ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 6 (3351) Четверг, 13 января 1955 г. Цена 40 коп.

Рассказывают редакторы журналов

ОКТЯБРЬ

В 1955 году перед нами стоит задача дальнейшего сплочения вокруг журнала широкого творческого актива, состоящего из писателей как старшего, так и молодого поколения. В ближайших номерах журнала будет опубликована вторая книга романа М. Шолохова «Поднятая целина». В течение года читатели «Октября» познакомятся с новыми произведениями Б. Полевого, М. Бубеннова, В. Пановой, В. Закруткина, А. Калинина, Г. Коновалова, Б. Бедного, Д. Холендро, Е. Ржевской, М. Пархомова.

Нами установлена тесная творческая связь с рядом писателей. В «Октябре» предполагает опубликовать четвертый том своей эпопеи Ф. Гладков. Над новыми произведениями для журнала работают А. Караваева, Вс. Иванов, Т. Семушкин, Е. Поповкин, И. Шухов, О. Гончар, К. Паустовский, С. Муканов, Р. Ким, Н. Емельянова, Ф. Кнорре, В. Собко, А. Пантиелев, И. Бауков, Ю. Рытхэу.

Большое место займет в журнале поэзия. В первом номере мы печатаем поэму студента Литературного института Р. Рождественского; в редакционном портфеле — поэма В. Казина, стихи Г. Леонидзе, К. Симонова, М. Алигер, М. Квливидзе, А. Межирова, В. Соколова, А. Коренева, Б. Слуцкого и других.

В планах отдела публицистики — очерки и статьи, посвященные актуальным темам советской и зарубежной действительности. В конце прошлого года нами был начат «Дневник искусств». Он станет постоянным в журнале. Вводим мы и новый отдел, посвященный проблемам науки. К участию в этих отделах привлекаются видные ученые, мастера искусства, публицисты.

В отделе критики серьезное внимание будет уделено дальнейшей разработке творческих вопросов, выдвинутых на Втором всесоюзном съезде советских писателей. Редакция намерена шире освещать вопросы теории социалистического реализма, регулярно печатать статьи о писательском мастерстве, систематически откликаться на явления современной прозы, поэзии, драматургии, освещать вопросы развития прогрессивной зарубежной литературы.

Журнал ставит своей целью охватить явления различных областей жизни, шире и глубже показывать новое в советском обществе, в характере советского человека.

В этом году продолжит свою работу наше литературное объединение, в которое входят молодые литераторы: рабочие, инженеры, служащие, студенты. Их произведения будем публиковать в журнале, а также отдельными сборниками, выпуск которых намечен редакцией.

МОСКВА **М. ХРАПЧЕНКО**

ДНІПРО

Журнал «Дніпро» предназначен для читательской молодежи Украины. Поэтому и в 1955 году мы уделяем большое внимание произведениям на молодежные темы.

Так, среди прозаических произведений в 1955 году намечены к опубликованию вторые части романа Д. Ткача «Пламя сильных», посвященного рабочей молодежи, и романа Ю. Збанацкого «Перед жатвой» — о механизаторах сельского хозяйства. Будет напечатана также повесть молодого литератора В. Земляка «Родная сторона», рисующая жизнь колхозной молодежи.

В 1955 году журнал познакомит своих читателей с двумя новыми пьесами: «Красной розой» Л. Смилянского, посвященной борьбе Леси Украинки против самодержавия и украинских буржуазных националистов, и комедией В. Минко «Молчать воспрещается».

Среди поэтических произведений, намеченных нами к печати,— поэма о студенческой молодежи Ю. Герасименко (Харьков), а также цикл стихов Н. Тихого о молодежи, поехавшей на целинные земли. Журнал опубликует также новые стихи П. Тычины, М. Бажана, М. Рыльского, В. Сосюры, А. Малышко, Л. Первомайского и др.

Ряд интересных работ появится в разделе критики и библиографии. Сюда относятся работы Д. Белоуса «Оружием сатиры» (об украинской сатирической поэзии на международные темы), Б. Буряка «Положительный герой в юношеской литературе», статья А. Дьяченко о повестях молодых украинских писателей.

Как и в прошлые годы, редакция будет продолжать печатание новых рассказов и стихотворений писателей стран народной демократии.

Мы надеемся, что интерес читателей вызовут и намеченные к опубликованию в 1955 году статьи П. Тычины, М. Бажана, А. Головко, П. Панча и Н. Забилы, в которых они расскажут о своем творческом опыте.

КИЕВ **А. ПИДСУХА**

НОВЫЙ МИР

На днях выйдет первая книга «Нового мира» за 1955 год. Этот год — юбилейный для журнала: ему исполняется тридцать лет.

Январский номер откроется приветствием Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Второму всесоюзному съезду советских писателей и приветствием съезда Центральному Комитету КПСС.

Большое место в первых книгах журнала, как всегда, займет проза. В них будет опубликовано три крупных произведения — роман А. Рыбакова «Екатерина Воронина»—о тружениках Горьковского речного порта, вторая часть автобиографического романа К. Паустовского, начавшегося книгой «Далекие годы», и роман Говарда Фаста «Сайлас Тимбермен» — из жизни профессоров, преподавателей и студентов одного из американских университетов.

В числе поэтических произведений, которые журнал опубликует в первом полугодии, — лирические стихи С. Маршака, поэма А. Прокофьева «Юность», стихи Н. Грибачева, С. Смирнова, А. Яшина, К. Ваншенкина и большой цикл произведений Назыма Хикмета.

Редакция намерена в этом году напечатать ряд материалов, связанных с итогами Второго всесоюзного съезда писателей. На эти темы будут помещены выступления литераторов в разделе «Дневник писателя», а также статьи в отделах критики и публицистики.

МОСКВА **К. СИМОНОВ**

ЖОВТЕНЬ

Орган Союза советских писателей Украины, журнал «Жовтень», издающийся во Львове, готовит к опубликованию в 1955 году ряд новых произведений литераторов, живущих в западных областях республики.

Кроме третьей части романа П. Козланюка «Юрко Крук», журнал напечатает роман И. Вильде «Сестры Ричинские», рассказывающий о жизни и стремлениях интеллигенции западноукраинских областей, и роман Н. Е. Тарновского «Когда говорят сердца» — о людях современного советского Львова. Кроме того, журнал познакомит читателей с пьесой польского писателя Л. Кручковского «Юлиус и Этель».

Журнал опубликует поэмы закарпатского поэта Ю. Гойды «Гортобадская баллада» и американского прогрессивного поэта Н. Н. Тарновского «Памяти Матвея Шатунского» — о жизни известного канадского прогрессивного деятеля — украинца по национальности.

В 1955 году продолжим раздел «Голос молодых», посвященный творчеству молодых украинских прозаиков и поэтов. Новым разделом явится «Из уст народа», в котором будут публиковаться произведения украинского фольклора.

В течение 1955 года журнал «Жовтень» начнет подготовку к 100-летию со дня рождения великого украинского писателя Ивана Франка, исполняющемуся в 1956 году: готовятся к печати статьи о его творчестве и жизни.

ЛЬВОВ **Ю. МЕЛЬНИЧУК**

ДРУЖБА НАРОДОВ

В середине января мы выпустим первый номер нашего нового ежемесячного журнала «Дружба народов».

Как я уже сообщал в «Литературной газете», преобразование альманаха в журнал даст нам возможность печатать крупные произведения прозы с продолжениями. Мы намерены в ближайших номерах познакомить читателей с большими романами — литовской писательницы Е. Симонайтите, армянской писательницы Ахавни, эстонского писателя Э. Крустена, с произведениями А. Еникеева (Татария) «Спасибо, товарищи!», А. Шогенцукова (Кабарда) «Весна Софиат» и другими. В ближайших книгах с новыми циклами стихов выступят Н. Асеев, Мирмухсин, П. Приходько, Л. Первомайский, И. Нонешвили, Н. Зарьян, А. Кешоков и многие другие; будет опубликована подборка стихов молодых поэтов.

Мы рассчитываем напечатать также новую пьесу А. Якобсона (Эстония), цикл рассказов Б. Зубавина. Только привлекая к журналу писателей всех республик, мы сможем показать богатство и разнообразие советской художественной литературы.

Продолжая вполне оправдавший себя отдел «Литературное наследство», мы вводим и новый отдел, в котором будем печатать статьи о творческом опыте многонациональной советской литературы. Они дадут представление широкому читателю о лучших мастерах литератур братских народов — поэте Армении Егише Чаренце, поэте Татарии Мусе Джалиле, основоположнике кабардинской литературы Бекмурзе Пачеве, поэте Узбекистана Хамиде Алимджане. Журнал опубликует статьи об общих проблемах литератур отдельных республик.

Большое место в «Дружбе народов» займут публицистика и очерк. Ежемесячно будут публиковаться информации и небольшие критические обзоры новых книг, выходящих в республиках.

МОСКВА **В. ГОЛЬЦЕВ**

Окончание. Начало см. №№ 4 и 5.

Резолюция Второго всесоюзного съезда советских писателей

по докладу А. А. Суркова «О состоянии и задачах советской литературы» и содокладам Б. Н. Полевого, К. М. Симонова, С. Вургуна, А. Е. Корнейчука, С. А. Герасимова, П. Г. Антокольского, М. Ф. Рыльского, М. Ауэзова, Б. С. Рюрикова

Второй всесоюзный съезд советских писателей отмечает, что за годы после Первого съезда многонациональная советская литература достигла значительных творческих успехов.

Советскими писателями созданы художественные произведения, правдиво отразившие пафос социалистического строительства, бессмертный патриотический подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны, его трудовой героизм в борьбе за послевоенное восстановление хозяйства, его борьбу за мир во всем мире.

Величайшим завоеванием художественной культуры в нашей стране за последнее двадцатилетие является бурный рост литератур всех братских народов СССР, достигших творческой зрелости и составляющих ныне могучую литературу победившего социализма, единую по своему идейному содержанию и многообразную по национальным формам.

За эти годы вырос международный авторитет советской литературы. Отстаивая, в противовес империалистической идеологии, идеи гуманизма, мира и дружбы между народами, последовательно защищая интересы трудящихся, выражая непоколебимую веру в светлое будущее человечества, советская литература получила признание миллионов читателей за пределами Советского Союза.

Эти успехи стали возможны потому, что в своей творческой деятельности советские писатели вдохновлялись великими идеями борьбы за коммунизм, за подлинную свободу и счастье народных масс, против всякого угнетения и эксплуатации человека человеком.

В противовес лживому и лицемерному буржуазному лозунгу «независимости» литературы от общества, фальшивым концепциям «искусства для искусства» советские писатели открыто и прямо отстаивают идею служения литературы интересам трудящихся, интересам народа.

Отмечая большие идейно-художественные успехи советской литературы за истекший период, Второй съезд вместе с тем обращает внимание литературной общественности на существенные недостатки, наметившиеся в развитии советской литературы, и требует от писателей самой активной деятельности для их устранения.

Наша литература во многом еще отстает от стремительного развития советского общества, от колоссально возросших духовных потребностей нашего читателя. За последнее время мало создано значительных художественных образов наших современников, образов, способных вдохновлять и вести за собой миллионы.

Отдельные писатели не проявляют должной требовательности к своей работе, а это приводит к появлению произведений посредственных и слабых, обедняющих советскую действительность. В ряде произведений имели место поверхностное, упрощенное изображение действительности, приукрашивание ее, замалчивание противоречий развития и трудностей роста. В то же время некоторые литераторы, оторванные от жизни, не изучающие реальную действительность, стали на путь дурного сочинительства и, подменяя правду жизни надуманными конфликтами, искаженно изображали советское общество.

Все еще не преодолено серьезное отставание литературной теории и критики.

На современном этапе развития перед советскими писателями встают новые ответственные задачи. Неизмеримо возрастает общественно-преобразующая и активно-воспитательная роль литературы. Советские писатели призваны показать во всем величии героические дела и высокие моральные качества нашего народа — творца коммунистической жизни, победу нового, передового в борьбе с чуждым, косным, отживающим, действенно помогать преодолению пережитков прошлого в сознании людей.

Важнейшая задача нашей литературы — воспитание молодежи в духе коммунистической морали, любви к труду, бодрости, бесстрашия, веренности в победе нашего дела, в духе беззаветной преданности социалистической Родине и пролетарскому интернационализму.

Съезд напоминает об ответственных воспитательных задачах, стоящих перед литературой для детей. Необходимо оказывать ей постоянное внимание и по-хозяйски заботиться о ее неуклонном развитии.

В современной международной обстановке священный долг писателей — еще выше поднять знамя борьбы за дело мира, еще более страстно разоблачать империалистических поджигателей войны, всемерно поднимать боевой патриотический дух советского народа, его готовность, в случае необходимости, дать сокрушительный отпор любым агрессорам.

Союз писателей и его руководящие органы должны и впредь главное свое внимание уделять идейной направленности нашей литературы, заботиться о глубоком изучении и правдивом изображении писателями действительности на основе творческого овладения марксизмом-ленинизмом, решительно бороться с отклонениями от принципов социалистического реализма, с попытками увести нашу литературу в сторону от жизни советского народа, от актуальных вопросов политики Коммунистической партии и Советского государства, бороться с рецидивами национализма, космополитизма и других проявлений буржуазной идеологии.

Долг писателей — непрестанно повышать идейно-художественное качество своих произведений, совершенствовать литературное мастерство с тем, чтобы в полной мере удовлетворять все возрастающие духовные запросы советских читателей.

Съезд подчеркивает, что для дальнейшего обогащения и роста советской литературы весьма важное значение имеют соревнование различных, развивающихся на основе принципов социалистического реализма, творческих течений, более смелые искания в области литературных стилей и форм, способствующие наиболее полному и всестороннему выявлению индивидуальности писателя и развитию его таланта.

Необходимо преодолеть отставание, поднять роль и значение литературной теории и критики, призванных обобщать опыт литературы, содействовать ее идейно-художественному росту, воспитывать эстетические вкусы читателей. Литературная критика должна идти впереди в борьбе со всеми проявлениями чуждой идеологии, с отклонениями от принципов социалистического реализма, решительно выступая против догматизма, начетничества, безидейности и беспринципности.

Одним из важнейших условий успешного развития советской литературы является живая, инициативная деятельность Союза писателей, который за истекшие два десятилетия полностью оправдал себя, как общественная творческая организация, построенная на принципах коллективного руководства и сплачивающая всех советских писателей, партийных и беспартийных.

Съезд отмечает, что в работе Союза писателей и его руководящих органов имеется целый ряд серьезных недостатков. Принцип демократии нередко нарушался и подменялся администрированием. Коллегиальность руководства должным образом не соблюдалась. Заседания правления и президиума созывались нерегулярно. Президиум не пользовался всей полнотой своих прав. В союзе не было достаточной заботы о творческой обстановке, не оказывалось должного внимания работе и нуждам каждого писателя. Творческие дискуссии, товарищеское разъяснение и убеждение не стали еще постоянными методами работы Союза писателей. Дискуссии проводились редко, проходили подчас на низком уровне и не всегда обеспечивали возможность широкого и полного выявления коллективного писательского мнения. Президиум и секретариат мало и несистематично занимались деятельностью органов печати союза. В работе секретариата и аппарата правления были элементы бюрократизма.

Все эти недостатки необходимо решительно преодолеть новому руководству союза. Деятельность Союза писателей должна протекать на основе строгого соблюдения принципов широкого демократизма, подлинной коллегиальности, методов товарищеского убеждения, свободного творческого обсуждения вопросов развития литературы и жизни писательской организации, на основе смелого развертывания критики и самокритики.

В Союзе писателей необходимо обеспечить подлинно товарищескую обстановку, беспощадно бороться с какими бы то ни было проявлениями групповщины, бюрократизма, казенщины. Союз писателей и его руководящие органы обязаны заботливо помогать писателям в их творческой работе, внимательно и чутко относиться к их нуждам.

Съезд поручает новому правлению Союза писателей оказывать постоянную и действенную помощь начинающим писателям с тем, чтобы обеспечить непрерывное пополнение литературы молодыми силами.

Приветствуя решение об издании ряда новых журналов, съезд поручает правлению Союза писателей сделать все необходимое для серьезного улучшения работы центральных, республиканских и областных журналов и издательств, для дальнейшего расширения их возможностей в соответствии с ростом нашей литературы и запросами читателей.

Съезд поручает новому правлению Союза писателей тщательно изучить критические замечания и предложения, высказанные на всесоюзном и республиканских съездах, а также на собраниях областных организаций, и разработать меры для действенного улучшения работы союза, для создания условий, обеспечивающих новый и всесторонний подъем советской литературы. Особенно должна быть усилена работа союза по руководству литературами всех братских народов.

Съезд с глубокой благодарностью принимает советы, содержащиеся в приветствии Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, в котором заключена боевая программа творческой деятельности советских писателей, вдохновляющая их на создание произведений, достойных великой эпохи строительства коммунизма.

Резолюция Второго всесоюзного съезда советских писателей

по докладу Н. С. Тихонова «Современная прогрессивная литература мира»

Прошло двадцать лет со времени Первого съезда советских писателей. За эти годы в мировой литературе совершились большие изменения. Победа над силами фашизма во второй мировой войне освободила ряд стран Восточной Европы от империалистического гнета и открыла перед народами этих стран дорогу к свободе и строительству новых форм жизни. Возникла великая Китайская Народная Республика. Окрепла и закалилась в боях народная Корея. Завоевав свободу и независимость, народы Вьетнама создали свою демократическую республику. Все это породило новый подъем прогрессивной литературы, питаемый могучей творческой энергией раскрепощенных народов. Замечательных успехов достигла литература Индии, добившейся независимости. В других странах Востока все громче слышится голос пробудившихся народов.

В странах капиталистической Европы и Америки возросла политическая сознательность народов, их непреклонная воля к миру и социальной справедливости. Лучшие силы быстро растущей передовой литературы объединяются под знаменем прогресса и мира. За минувшее двадцатилетие создано много произведений, дорогих и близких всему передовому человечеству.

В эти годы непрерывно возрастала близость между советской литературой и прогрессивными литературами во всем мире. Интересы будущего человеческой культуры, интересы всеобщего мира цементируют эту дружбу писателей-гуманистов без различия их национальной принадлежности, религиозных, философских, эстетических убеждений. Современная международная обстановка диктует необходимость теснейшего единения передовых мастеров культуры во имя мира, дружбы и взаимопонимания между народами, во имя борьбы против темных сил реакции, угрожающих самому существованию человечества.

Второй съезд советских писателей горячо приветствует дорогих гостей из многих стран мира и желает им успеха в их деятельности на благо их народов. Съезд шлет самый сердечный привет и тем нашим друзьям, которые не могли прибыть в Москву по причинам, от них не зависящим. Он шлет привет всем писателям, сохраняющим верность идеалам прогресса и мира. Никакие препятствия не могут помешать тому, чтобы ширилась и расцветала литература, выражающая лучшие чаяния народов, их стремление к миру и свободе.

Во имя интересов общего роста литератур мира и их сближения особенно важно, чтобы писатели, борцы за мир, постоянно делились творческим опытом. Второй съезд советских писателей подчеркивает необходимость содействовать все более широкому обмену между писателями различных стран мнениями, информацией, изданиями. Возобновленный журнал «Иностранная литература» должен уделить большое внимание важным задачам обмена творческим опытом между писателями доброй воли всех стран. Эти же задачи стоят во весь рост и перед редакцией журнала «Советская литература», выходящего на иностранных языках.

Съезд поручает новому правлению Союза писателей всячески содействовать наиболее широкому переводу произведений лучших современных писателей всех стран на языки народов СССР.

Мы полагаем, что наступило время встретиться всем писателям, которым дорого будущее человеческой культуры, дорога дружба между народами, встретиться, чтобы обсудить насущные вопросы своей творческой и общественной деятельности и тем самым содействовать дальнейшему расширению и укреплению общения между всеми живыми силами современной литературы.

Второй съезд советских писателей приветствует и поддерживает выдвинутое писателями различных стран пожелание, чтобы в 1955 году состоялась международная встреча писателей. Эта встреча может состояться на основе самого широкого представительства. Ее платформой должна быть платформа защиты мира и культуры.

Завершая свою работу, Второй съезд советских писателей выражает твердую уверенность в том, что с каждым годом будут возрастать сила и авторитет прогрессивной литературы. В ней воплощена воля народов к предотвращению новой мировой войны, воля к жизни и счастью народов, к полному расцвету великих творческих возможностей человечества.

Международные отклики

О НЕКОТОРЫХ КАНДИДАТАХ В ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ

Как уже сообщалось, 10 декабря 1954 года американский генерал Стивенсон пригласил к себе группу корреспондентов и сообщил им, что на вооружении находящейся под его командованием 49-й дивизии, расквартированной в Англии, находятся бомбардировщики, которые предназначаются для нанесения атомного удара по Советскому Союзу. Генерал добавил, что эта задача была поставлена перед его дивизией еще два с половиной года тому назад.

В ответ на заявление Стивенсона Советское правительство 16 и 17 декабря направило английскому и американскому правительствам памятную записку, составленную в лаконичных и ясных выражениях. В определенных английских кругах советский демарш вызвал явное замешательство, которое длилось три недели. Только позавчера был опубликован ответ английского правительства. Как явствует из сообщений английской печати, смысл его заключается в том, что генерала Стивенсона-де неправильно поняли, он якобы никому не угрожал, а озабочен исключительно обороной.

Однако агрессивный характер атомных угроз Стивенсона настолько очевиден каждому, что его невозможно закамуфлировать никакими разговорами об «обороне». Более того, всякому здравомыслящему англичанину ясно, что присутствие американских атомных бомбардировщиков на территории Англии является смертельной угрозой для безопасности страны.

...Есть в Англии деревушка Гринем Коммон. Восемьсот ее жителей заявляют, что командование военно-воздушных сил США, построив поблизости от деревни авиабазу, создало «сущий ад» в этом районе. По словам жителей, оглушительный шум американских бомбардировщиков пугает детей и животных, нарушает сон и сотрясает здания. Но если кандидаты в военные преступники, подобные Стивенсону, попытаются претворить в жизнь их чудовищные замыслы, то они могут в конце концов ввергнуть Британские острова в такой ад, по сравнению с которым нынешний «сущий ад» в районе Гринем Коммон покажется англичанам сущим раем.

Болезнью атомной чесотки
Страдает мистер Стивенсон.
Себе наметив срок короткий,
Начать войну желает он.

Он заявил, что может сразу
Россию вмиг загрызть, как волк!
Он для сего имеет базу
В английском округе Норфолк...

В английском? Именно в английском!
Ведь только ширь чужой страны
Ему не жаль подвергнуть риску
Ужасной атомной войны.

А если атомного шквала
Неотвратим суровый гром,
Пусть гибнет Англия сначала,
А вся Америка — потом...

Да! Стивенсон не столь наивен
В своем стремлении к войне.
Об этом, кстати, мистер Бивен,
Сказал нам явственно вполне.

Он заявил, что в схватке острой
Столь нереальны чудеса...
Что проживет британский остров
«Всего лишь тридцать два часа»...

Итог — понятен. Ясно виден.
И я хотел бы, чтоб над ним
Теперь подумал мистер.....
А, впрочем, лучше помолчим.

Но я шепну ему покуда:
— О, мистер! В этом-то и толк,
Что и министрам будет худо
Совместно с округом Норфолк!

И Вам пора о деле оном
Поговорить... со Стивенсоном.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

СНОВА „ЛЮФТВАФФЕ“

Сторонники возрождения германского милитаризма в последние дни особенно усиленно ратуют за парижские соглашения. Весь пропагандистский аппарат Вашингтона и Лондона пущен в ход. И это неудивительно. Сейчас решается вопрос о ратификации соглашений, расчищающих путь новому вермахту в бельгийском парламенте. Вскоре предстоит обсуждение этого вопроса в Совете республики Франции и в боннском бундестаге.

Реакционная печать США и Англии лезет из кожи вон, чтобы убедить общественность европейских стран, будто ничто не угрожает Европе в случае вооружения Западной Германии. Какие только идиллические картины не рисуют продажные перья с Таймс-сквэра и Флит-стрита...

Но обратимся к фактам, к сухим фактам, приведенным той же буржуазной печатью и не сдобренным розовой краской. Мы увидим воочию, что ждет народы, если парижские соглашения будут претворены в жизнь. Вот что пишет иностранная печать о планах возрождения германской военной авиации:

«Бывшие авиапромышленники, конструкторы и ученые в Западной Германии готовятся самыми быстрыми темпами возобновить производство самолетов», — сообщает агентство Рейтер. Ободренная парижскими соглашениями, позволяющими Западной Германии иметь свои вооруженные силы, в том числе ВВС с полутора тысячами самолетов, боннская военщина уже сейчас развернула лихорадочную деятельность.

То же агентство Рейтер рассказывает, что ведущие научно-исследовательские институты Западной Германии при поддержке ряда промышленных предприятий создали «ассоциацию», которая готова немедленно приступить к производству самолетов.

Западногерманские министры не без гордости рапортуют о том, что у них уже все готово для возрождения «Люфтваффе» — гитлеровских ВВС. Нижнесаксонский министр хозяйства и транспорта Герман Аренс заявил 10 января, что Нижняя Саксония располагает достаточной рабочей силой и достаточным количеством предприятий для авиационной промышленности.

Разбежавшиеся по всему свету в 1945 году бывшие гитлеровские авиаконструкторы потянулись в Западную Германию. Они возвращаются, нисколько не утратив квалификации и даже, наоборот, приумножив свой опыт и знания, ибо все они в послевоенные годы продолжали заниматься привычным ремеслом: группа конструкторов «Юнкерс» — в США, Хейнкель, Мессершмит и Дорнье — в Испании.

Проектировщики «Люфтваффе» даже организовали своего рода концерн. Недавно лорд Стейнсгейт, выступая в английской палате лордов, поднял вопрос о том, что в Мадриде производятся самолеты «ДО-25» под руководством объединения «Аэроп Унион», которое включает фирмы: «Дорнье», «Юнкерс», «Фокке-Вульф», «Мессершмит» и «Хейнкель». Отвечая Стейнсгейту, государственный министр по иностранным делам лорд Рединг не только не опроверг приведенное сообщение Стейнсгейта, но и любезно уточнил, что опытный образец самолета совершил первый полет в июле 1954 года.

Вернувшись на немецкую землю, эти господа немедля приступают к делу. Английская газета «Уестерн мейл энд Саут Уэльс ньюс» приводит факты, которые не могут не встревожить каждого миролюбивого человека. «Недавно в Штутгарте,— пишет газета,— состоялось первое после войны крупное совещание немецких авиаконструкторов. На этом совещании Эрнст Хейнкель заявил, что Германия снова должна стать страной, производящей самолеты... В научно-исследовательских авиационных лабораториях Западной Германии в Карлсруэ и Штутгарте ведется напряженная работа... Среди людей, вновь появившихся в авиапромышленности,—бывший главный конструктор фирмы «Хейнкель» Зигфрид Гюнтер, опять работающий на эту фирму. Другой известный гитлеровский конструктор Ойген Зенгер, который во время войны конструировал «летающие бомбы», в настоящее время возглавляет полусекретную научно-исследовательскую лабораторию в Штутгарте, где ведутся работы в области реактивных двигателей».

О размахе, с которым собираются выпускать военные самолеты, дает представление тот факт, что Западная Германия предложила наладить производство новейших истребителей для вооруженных сил НАТО!

Готовясь к выпуску боевых машин, германские милитаристы, разумеется, подумали и о летных кадрах. Нацистский генерал Шпейдель разработал план создания 20 авиаполков нового вермахта. На территории Западной Германии находится около 80 ассоциаций и обществ бывших военнослужащих гитлеровских ВВС. Вот из членов этих обществ боннское правительство и намеревается почерпнуть основной контингент летного состава для будущего западногерманского «Люфтваффе» — почти сто тысяч человек, в том числе 2 тысячи пилотов.

Таковы отдельные факты. Лихорадочное возрождение гитлеровской «Люфтваффе» —составная часть политики реванша и агрессии, которую вынашивают германские милитаристы.

Народы Англии, Франции, Бельгии и других европейских стран не забыли уроки недавней войны. Они помнят тень фашистских самолетов над мирными городами, помнят Лондон и Роттердам, сотни разрушенных городов и сел. Сладкие речи адвокатов вермахта не могут скрыть от широчайших народных масс серьезности угрозы, которую несут парижские соглашения. Народы не допустят возрождения германского милитаризма.

ЛИТЕРАТОР

Чествование академика В. Виноградова

Советская общественность тепло отметила шестидесятилетие со дня рождения и тридцатипятилетие научной и научно-педагогической деятельности выдающегося советского филолога, академика В. Виноградова. 11 января в Московском Доме ученых состоялось торжественное заседание, посвященное чествованию юбиляра.

Президент Академии наук СССР А. Несмеянов указал, что юбиляру принадлежит много ценных исследований по филологии. Основная область его деятельности — русский литературный язык и его история. Фундаментальные труды академика В. Виноградова посвящены грамматике, лексикологии, стилистике русского языка. Многое сделал он также в области теории литературы.

С докладом на заседании выступил С. Бархударов. Юбиляра приветствовали представители научных и общественных организаций. От имени Союза писателей выступил К. Чуковский.

Евг. ЕВТУШЕНКО

Разговор с трактористом

Говорил
тракторист Витька:
«Нет,
не ладится в жизни моей.
Трактора я знаю
до винтика.
Если б знал я так
и людей!
Может, нет на это способностей,
может, опыт жизненный мал...
Я приехал
из Курской области.
Ты когда-нибудь
там бывал?
Там,
когда я в рубашке новой
и при галстуке городском
проходил с Евдокией Бугровой,
ей завидовали тайком.
Это было приятно ей очень.
Еще *больше я* нравился ей.
Про меня напечатали очерк
под названьем:
«Новатор полей».
Стал известным я и богатым.
Для красы
отпустил усы.
Со светящимся циферблатом
приобрел я себе
часы.
Выбирали меня
в президиум.
Жизнь была проста и легка.
Я не то, чтоб смотрел презрительно
на друзей,
но чуть свысока.
Рассуждала уже Евдокия,
сколько надо купить кастрюль
и достать
этажерки какие
и какого узора тюль.
Но в райкоме
толково и дельно
вскоре взяли меня в оборот
и за то,
что не рос идейно,
и за то,
что не шел вперед.
Очень трудно тогда мне было...
Тут,
спокойна и холодна,
Евдокия
вмиг объявила,
что жестоко ошиблась она,
что на прежнем поставлена точка,
что неправильно я живу,
что выходит замуж
за летчика
и, вообще,
уезжает в Москву.
Только ты не пойми,
что с горя
(хоть и мучился —
слов не найду)
я поехал с друзьями вскоре
в край неведомый —
в Кулунду.
И тебе я правду открою:
здесь легко у меня на душе,
только кажется мне порою —
не смогу полюбить уже...»

К утешениям мало способен я.
Для меня эта должность — трудна.
Но припомнил, как смотрит особенно
на него украинка одна.
Я хотел намекнуть ему тонко,
что, мол, все впереди у него,
но об этом подумал только,
а сказать —
не сказал ничего.

Колыхалась пшеница сонно
и шумела,
а вдалеке
говорили о чем-то
вагоны
на вагонном своем языке.
Колебались ночные тени.
Было росно,
куда ни ступи.
Мы лежали
на свежем сене
посреди Кулундинской степи.
Мы глядели на звезды,
молчали.
Было долго еще до утра.
В темноте,
шевеля лучами.
тихо двигались
трактора.

Корчинская МТС, Алтай.

ОБЗОР ПИСЕМ

ИХ МЕСТО — В ОБЩЕМ СТРОЮ

Много писем пришло в редакцию после опубликования статьи капитана И. Дамаскина «Спекуляция на чуткости». Разные авторы, далекие адреса—от Хабаровска до Таллина. Но общее у этих писем одно — *душевность, вложенная в них.* Большая часть их послана без расчета на публикацию, а просто потому, что задела статья за живое и захотелось поделиться своими мыслями, помочь людям, живущим рядом с тобой, в твоем городе, твоей стране.

Много писем прислали участники Отечественной войны — инвалиды **Т. Осёнов** (Москва), **М. Чаркин** (Лубны), **Б. Багданович** (от имени инвалидов, находящихся в гомельском госпитале), военные — капитан **С. Филиппов**, гвардии капитан **Д. Яковлев**, старший лейтенант **Ю. Эпштейн** и другие. Все они поддерживают автора письма «Спекуляция на чуткости». Им, бывшим фронтовикам, особенно больно видеть, как тунеядцы выдают себя за бывших воинов, как хулиган, никогда не нюхавший пороху, спекулирует именем инвалида войны.

Судейский работник **М. Зернов** приводит в своем письме несколько примеров, когда попрошайки за хулиганские поступки были привлечены к уголовной ответственности и приговорены к различным срокам лишения свободы. Почему же мошеннику нужно совершить уголовное преступление, чтобы им заинтересовались органы милиции и прокуратура,— спрашивают читатели. Некоторые авторы — **В. Копицын** (Коломна), **Л. Степанов** (Москва), **В. Слепцов** (Москва) предлагают ввести в наше законодательство статью, запрещающую попрошайничество. Конечно, речь идет о людях, которые сделали вымогательство профессией.

Миллионы бывших фронтовиков работают, учатся и ни в чем не отстают от своих здоровых товарищей, пишут читатели. Но среди них есть и такие (и немного), кто еще не вернулся в трудовой строй, не нашел своего места в жизни. Речь идет прежде всего о тех, кто по характеру инвалидности не может нормально передвигаться, кто сидит дома, а то и приковал к постели, тяготится вынужденным бездельем, не зная, куда девать свои знания и силы. Многих из них можно приобщить к полезному труду, к коллективу. Ведь именно отсутствие своего дела в жизни и толкает некоторых инвалидов к пьянству. Да и не всегда достаточно прям путь, по которому инвалид возвращается в трудовую жизнь.

В августе 1947 года, после почти трехлетнего лечения, из бакинского госпиталя вышел человек на костылях — в прошлом гвардии старший лейтенант, а теперь инвалид 1-й группы. Ни родных, ни близких. Правда, у него солидная пенсия, но ведь ему всего двадцать пять лет,— неужели жизнь кончена и осталось сидеть и смотреть, как она течет мимо тебя, как надвигается старость. У него среднее образование, *большой опыт работы с людьми*, и он решил вернуться в строй работающих, живущих полной жизнью людей. Начались поиски работы. Побывал он в Министерстве социального обеспечения, в горсобесе. Там ему первым долгом советовали не работать — у вас, мол, большая пенсия. Иногда посылали в какое-нибудь учреждение, заведомо зная, что вакантных мест в нем нет... Но гвардии старший лейтенант верил, что не может человек в нашей стране остаться без работы, без друзей. Он был настойчив и, пройдя несколько десятков учреждений, нашел отзывчивых людей — их оказалось гораздо больше, чем он предполагал. И они помогли ему найти работу по душе.

Эту свою историю рассказал в письме работник одного из управлений Совета Министров Азербайджанской ССР Иван Поликарпович **Третьяков**. Письмо его, прочувствованное, глубокое и очень справедливое, к сожалению, слишком велико, чтобы опубликовать его в обзоре целиком. Но есть в нем мысли, которые следует здесь привести.

«В жизни почти каждого инвалида,— пишет он,— были критические дни, когда вместе со здоровьем он терял веру в жизнь. Многие в это время нуждались в помощи не только пенсиями и льготами, но и в чутком, отзывчивом отношении. Большинство преодолело трудности, вернулось к работе и учебе. Перечислять этих скромных, не воспетых в книгах людей нет нужды — их много. А некоторые не устояли перед тяжестью свалившегося на них несчастья и, натолкнувшись на *стену бюрократического равнодушия*, остановились перед ней. А там — сожаления о прошлом, выпивка и, если совесть податлива, один шаг до протянутой руки».

Не может быть оправдания тем, кто малодушничал, кто так легко помирился с жизненными неудачами, предпочел труду безделье, паразитизм, водку. «Но,— справедливо замечает И. Третьяков,— разве в иных случаях нет тут доли вины и тех черствых людей, с которыми пришлось столкнуться некоторым инвалидам?»

Война кончилась почти десять лет назад. Но попрежнему нуждаются в опеке и чуткости тысячи покалеченных людей, работающих и не работающих. В той чуткости, которая не позволит предложить безногому инвалиду комнату на пятом этаже в доме без лифта (об этом случае рассказывает в своем письме **В. Ильяшенко** из Ростова-на-Дону) и подскажет, как обеспечить на зиму дровами инвалидов уральского городка Ивдель. Особенно нуждаются в помощи и внимании те, кто не работает. Вот в их-то квартиры и надо постучаться, в их души заглянуть, в первую очередь.

К сожалению, некоторые общественные организации отстранились от участия в их судьбе; забыли о бывших рабочих и служащих и в коллективах, в которых они трудились до войны. А товарищи по оружию— каждый ли из них может сказать, что сделал все, на что мог рассчитывать по праву фронтового братства друг военных лет...

Горькой справедливой обидой продиктовано письмо неработающего инвалида Георгия Николаевича **Матвеева**. По состоянию здоровья тов. Матвеев не может работать на штатной должности. Он экономист с высшим образованием, не один год работал в Осоавиахиме, но, оказывается, приложить все эти знания негде. Куда ни обращался тов. Матвеев с предложением помощи—везде отказ. Он долго служил в Министерстве нефтяной промышленности, перед самой войной — в Московском Совете. Знают ли там, что Матвеев вернулся с фронта инвалидом? Да, конечно. Помнят ли об этом? Нет. Понятно, как тяжко человеку, привыкшему к коллективу, переносить одиночество, даже если он материально обеспечен и окружен заботой семьи.

А ведь у нас есть богатый опыт успешного вовлечения людей с физическими недостатками в полнокровную советскую жизнь. Взять хотя бы Всероссийское общество слепых, которое поддержало не одну тысячу талантливых, трудолюбивых людей, помогло им активно участвовать в жизни.

Разве не те же цели должны стоять перед органами социального обеспечения, призванными помогать инвалидам? К сожалению, письма читателей свидетельствуют, что еще далеко не все работники этих учреждений ясно понимают, что пенсионеры, которых они обслуживают, требуют **особого** к себе отношения. Ведь порой лишнее хождение в собес требует от инвалида много сил, и его может надолго вывести из душевного равновесия даже неосторожно сказанное слово. Где-где, а в системе социального обеспечения нужны *люди с большим запасом душевного тепла*, которых трогает чужое горе, энергичные, участливые, умеющие лечить от уныния, вселять веру в будущее. Считается почему-то, что собес — это только учреждение, где решаются вопросы о пенсиях, протезах и пособиях. Но разве вызвать бодрость, вселить в человека веру в свои силы — не столь же гуманная обязанность?!

Одна из важнейших задач социального обеспечения — устройство инвалидов на работу. По поводу трудоустройства министерства социального обеспечения издали немало хороших, дельных инструкций и приказов. Тут есть требование установить контроль за беспрепятственным приемом инвалидов на работу, говорится об использовании инвалидов на квалифицированной работе, создании специальных условий на предприятиях (приспособление станков, инструментов и т. д.), о широкой сети профессионального обучения. К сожалению, эти правильные указания не всеми и не везде выполняются.

Вот что происходит, например, в Свердловской области. «У нас в Ивделе, — рассказывает тов. Чазов,— инвалиду чаще всего предлагают стать сторожем. Что ж, должность полезная, но хозяйский ли это подход — посылать всех в сторожа? Правда, направляют еще на курсы сапожников и портных. Я встречал инвалидов с этих курсов — очень довольны. Ну, а если человека интересует часовое дело или резьба по дереву?».

Мы уже упоминали письмо инвалида В. Ильяшенко. Он работает инспектором райфо, — по роду службы ему надо посетить за год несколько сот учреждений, — легко ли безногому человеку в гололедицу, в дождь ходить по улицам, да еще забираться на третьи и четвертые этажи? Тов. Ильяшенко просил: переведите на другую работу; но вот несколько лет в таком большом городе, как Ростов, не могут подыскать ему подходящего дела...

«Надо вернуть всех, кого можно,— пишет тов. Третьяков,— к полезному труду. Надо организовать досуг неработающих. Надо за общими огромными цифрами пособий и путевок, выделенных инвалидам, научиться видеть отдельного человека».

Глубоким уважением народа пользуются в нашей стране инвалиды Великой Отечественной войны, люди, сочетающие в себе воинскую доблесть и гражданское мужество. Именно поэтому, как справедливо пишут читатели, нельзя мириться с тем, что иные тунеядцы присваивают себе высокое звание бывшего фронтовика и спекулируют на чуткости советских граждан.

В каждом новом автобусе «ЗИС-155», который выходит из ворот автозавода имени Сталина, есть частица труда шорника Петра Ковалева и слесаря Василия Комарова. Оба они фронтовики, оба пришли на завод после тяжелых ранений. Однако, глядя на доску показателей выполнения плана, пестрящую цифрами 200 и 300 процентов, никто не скажет, что Комаров и Ковалев — инвалиды. Оба работают хорошо, с душой. На снимке: П. Ковалев (слева) и В. Комаров.

Фото Б. Пушкина

КИНО

О ПУТЯХ ЛЕГКИХ И ТРУДНЫХ

М. ПРИЛЕЖАЕВА

Мы все еще живем впечатлениями от писательского съезда. Так или иначе, разговор состоялся серьезный. О главном направлении в нашей работе, о мастерстве, правде жизни, писательской зоркости — о трудных в искусстве путях.

Теперь, когда после докладов, речей, споров, «конфликтов», читательских приветствий, в большинстве случаев содержащих основательную критику наших книг, писатели разошлись к своим «станкам», настала, мне кажется, пора серьезных раздумий наедине с собой. Для того и нужен был съезд.

Многие из нас живут с предчувствием крутого подъема литературы. Кому из писателей не захотелось работать более зрело и совершенно?

Мне кажется, многим яснее стали свои недостатки. Во всяком случае, я испытала немало горьких минут, вспоминая в своих собственных книгах характеры, эпизоды, далеко не всегда написанные в соответствии с крупным и сложным содержанием нашей жизни.

Отчего же случается, что иногда писатель вдруг изменяет правде характера, *правде обстоятельств и жизни?*

Не знаю. Наверное, каждый как побеждает, так и оступается по-своему. Мне не хочется винить в своих ошибках критиков, не всегда умевших распознавать, что хорошо в книге, что плохо. Горький учил: слушайте всех, но не всегда слушайтесь.

Пусть пеняют на себя те писатели, что иной раз охотнее, чем к взыскательным советам своей собственной писательской совести, прислушивались к чужим мнениям, особенно, если мнение казалось влиятельным, хотя жило оно иной раз не долее дня.

Да, после съезда думается о многом...

Силы дарования каждому из нас не прибавилось, но чувство ответственности за то, что ты создаешь для народа, обострилось до той силы, какая на великую пользу любому, и малому и большому, таланту.

В таком душевном «настрое» высокой требовательности к себе и другим я пришла смотреть фильм И. Пырьева и бр. Тур «Испытание верности».

Народ валом валит на эту картину, я знала, что она — о любви, что герои ее простые советские люди, и мне очень хотелось обрадоваться искусству правдивому, чистому и естественному.

Я не собираюсь писать рецензии, поэтому пусть извинят меня авторы и актеры—не буду перечислять ряда удачных эпизодов в картине или хорошо сыгранных ролей, как роль Пети, бухгалтера Рябчикова или чудесного старого мастера Лутонина.

Я хочу понять, почему все-таки ушла из кино разочарованной?

Ожидала открытия? Да, конечно! Пусть я услышу неуклюжее, грубоватое, спорное, но свое, по-своему сказанное слово о людях и чувствах. Только не *гладкописы!* Как мы бываем благодарны художнику, когда он нехожеными тропами ведет нас по жизни!

Увы! С первых кадров фильма «Испытание верности» вы попадаете в давно известную вам по другим кинокартинам обстановку: богатая, конечно, отдельная квартира мастера Лутонина, из нескольких комнат, даже с гостиной; ветер парусом надувает занавески на окнах-«витринах», и, как в ателье мод, драпируют стены тяжелые сукна, и кусты белых роз раскинулись по забору собственной, изящной, как игрушечка, дачки.

Станиславский рассказывает, что, когда в свое время Художественный театр готовил к постановке «На дне», актеры ходили в ночлежки и на Хитров рынок, чтобы вжиться в незнакомую им обстановку, и зритель верит спектаклю: да, в жизни так.

— Зачем вам красивости? — хочется мне спросить режиссера, который (признаюсь, я заподозрила это) едва ли обошел десять рабочих квартир, чтобы миллионы зрителей узнали в одной, показанной им на экране, свой дом. И свой, и в то же время единственный, принадлежащий только Лутониным.

И пленительное, молочно-розоватого цвета лицо Ольги в тот миг, когда оно, красиво запрокинутое на подушке, залито слезами скорби, и красивые слезы — зачем?

Не затем ли, что на этот раз талантливого мастера кино Ивана Пырьева соблазнил легкий путь в искусстве?

Поэтичность трудна, заменить ее красивостью легче.

Все легко в фильме. Так легко, что в конце концов становится грустно.

Вот юная пара, Варюша и Игорь. Мы слышим первое признание в любви, видим в глазах Вареньки робость, и счастье, и стыдливую нежность, и вдруг...

Что это? Почему вдруг Варюша в ответ на признание поет арию?

Поет город. Танцуют студенты перед зданием нового университета. Сияют огни...

А вам неловко, вы чувствуете себя обманутым, ни на секунду не дрогнуло ваше сердце в ответ чувствам, выраженным столь неестественно и, в сущности, бесстрастно и холодно.

Мне кажется, главный недостаток фильма, помешавший ему стать взволнованной повестью о человеческих переживаниях, заключается в том, что он создавался авторами на заданную ими самим себе тему об испытании верности, а не о людях, которым это испытание выпало.

Потому люди не ясны. Не ясна Ольга. Пожалуй, в Ольге ясно одно — поведение ее строго «задано» авторами.

А вот признался же когда-то с веселым удивлением Пушкин: «Представь, какую штуку удрала со мной Татьяна! Она—замуж вышла. Этого я никак не ожидал от нее».

Если бы характер Ольги развивался по законам, в нем самом заключенным, а не по указанию авторов, может быть, покинутая мужем Ольга впервые задала себе тревожный вопрос: кто же он?

В самом деле: неопределенные черты лица, неопределенные поступки, вялые слова, вялые чувства...

Что их связывает в прошлом? В воспоминаниях Ольги — это школьный бал, первый поцелуй у стога сена, гонка катеров на ослепительно синем море, праздничная встреча после фронта. Праздник, праздник! Вернее — общепринятая формула праздника.

Может быть, если бы фильм создавался по законам естественного развития характера, оскорбленная Ольга, как когда-то пушкинская Татьяна, «удрала» нечто неожиданное для авторов, прямо противоположное тому, что было ей задано.

Как не казнить себя за то, что годы любила ничтожество? Чем в нем гордиться, что уважать? Что их связывает? Сын? Но какой равнодушный отец ее муж, — об этом Ольга тоже могла бы теперь догадаться.

Однако нет, никаких таких мыслей не приходит в голову Ольге. Она послушно следует заданию авторов играть только верность. Да и трудно бедной героине «удрать» от авторов, когда они ведут ее за руку и к концу фильма сводят с мужем так же произвольно, как развели.

Словно спохватившись, что в герое нет ничего, за что зритель должен оправдать любовь к нему Ольги, авторы отправляют Андрея на Север. Вот он спешно совершает там подвиги, терпит на самолете аварию, блуждает в снегах, спасает товарища, наконец, болен, несчастен — таких подвигов и потрясений можно было бы приписать герою вдвойне и втройне, и все для того, чтобы была вознаграждена верность Ольги: они снова вместе, семья не распалась.

Впрочем, в у Вареньки, обманувшейся в первой любви, довольно быстро и легко налаживается новая личная жизнь.

И Алексей Бобров, после долгих лет безнадежной любви к Ольге, к удивлению зрителей и, очевидно, к своему собственному удивлению, женится на Агнии.

Пусть уж под конец всем улыбается счастье!

Как странно, однако. Вас не очень радует это всеобщее счастье, равномерно распределенное между героями.

Потому ли, что авторы слишком настойчиво и прямо вели своих героев к поставленной цели?

Потому ли, что герои так и остались для вас незнакомцами?

Потому ли, что легкий путь в искусстве авторам мстит?

Но как жаждет читатель и зритель повествований о чувствах — в книгах, в театре, в кино! Как важно, решая нужные народу крупные темы, не бояться в искусстве трудных путей.

НА ТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ

Происшествие в шестом классе

Евгений РЫСС

В одной из московских школ не так давно случилось чрезвычайное происшествие. Учительница пришла на урок в шестой класс и нашла двери класса запертыми изнутри. Она постучала, подергала дверь— ей никто не ответил. Учительница пошла к завучу посоветоваться.

Следует сказать, что, к сожалению, такие неумные и грубые шутки бывают в иных школах: повесят ребята стул на ручку двери, задержат на минуту педагога, а потом стул снимут и быстро рассядутся по местам, как ни в чем не бывало. Ругали за это ребят, и правильно ругали. Однако в случае, о котором мы говорим, события приобрели более серьезный характер. Когда завуч и педагог подошли к классу, за дверью стоял страшный шум. Учителя стучали, просили, уговаривали — ответа не было. Что происходило за дверью, понять было невозможно.

Вызвали родителей. Они окликали детей по именам, им отвечал свист, мяуканье, грохот. Тогда один из отцов, попросив у завуча разрешения, нажал плечом на дверь, стул свалился. Учителя и родители вошли.

Что же происходило в классе в течение полутора часов, пока испуганные учителя и родители стояли за дверью?

Один мальчик повесил стул на ручку двери, но ребята собирались сразу же дверь открыть. Открыли действительно, однако учительницы уже не было. Закрыли снова. Настроение поднималось. Мальчики стали бегать по партам. Кто-то вылил на бумагу чернила и повесил бумагу на доску. Кто-то разбросал мусор по классу. Одна девочка завизжала, и другие стали визжать вместе с ней. Поднялся крик и грохот. Всем это нравилось. К двери придвинули стол, на него поставили парту.

Стихия вела за собою класс. Крик и грохот возбуждали ребят. Никто не обращал внимания на то, что дверь дергается. Голоса родителей не были слышны в общем шуме. Кто-то даже крикнул, сияя от удовольствия: «Нужно так делать чаще». Потом заметили, что стул, висящий на ручке двери, съезжает. Кто-то сказал: «Галя, поправь стул». Галя, сидевшая рядом с дверью, поправила его, и снова начался шум и визг, продолжавшийся до тех пор, пока дверь не поддалась и стул не упал. Тогда все бросились на свои места и тут только поняли, что давно перешли пределы обыкновенной шалости.

Заведующая учебной частью потребовала — выдать зачинщиков! Класс молчал. Она стала обращаться к ученикам отдельно: «Скажи, кто зачинщик?» Каждый спрошенный отвечал, что он повторял урока и ничего не видел. Тогда выступил учитель математики. Он с самого начала взял резкий тон: «Пусть назовут зачинщиков». Класс молчал. Учитель математики стал угрожать: «Мы примем другие меры, мы исключим всех из школы. Назовите зачинщиков!» Класс молчал. «Хорошо, — угрожающе сказал учитель математики, — я буду вызывать вас поодиночке и все равно узнаю. Вы от меня все равно не скроете». При этом он стучал кулаком по столу, и ребятам было страшно. И все-таки класс молчал.

***

Кто, собственно говоря, был зачинщиком? Тот мальчик, который первый повесил стул на ручку двери? Но он не думал срывать урок. Или тот, кто первый ударил по парте кулаком? Или тот, кто вылил на бумагу чернила? Или та, кто первая завизжала? Или те, кто рассыпал по полу мусор? Но ведь каждый из этих поступков, нехороший сам по себе, не был направлен к срыву уроков, к организации коллективного хулиганства. Никто не организовывал класс, не руководил классом. Первый завизжавший виноват, но и тот, кто подхватил его визг, виноват тоже. Кого же, собственно, называть зачинщиком? И как мог бы любой из учеников ответить на этот неверно поставленный вопрос?

Следующий урок прошел нормально. Класс сидел притихший, испуганный. Время от времени кого-нибудь из учеников вызывали, мальчиков — к учителю математики, девочек — к завучу. Рассказывали, что в коридоре слышно, как учитель математики кричит и топает ногами. Некоторых держали по часу и больше, и они возвращались плача. Каждому вызванному угрожали исключением из школы, снятием *пионерского галстука*. Угрожали не за то, что виноват он сам, а за то, что он отказывается сообщить имя «зачинщика», которого так ясно представлял себе педагог и которого на самом деле не было.

С девочками разговаривала заведующая учебной частью. Она не кричала и не била кулаком по столу. Она действовала логикой: «Ты боишься говорить, — внушала она девочке, — потому что тебя могут побить товарищи, но того, что именно ты назвала зачинщиков, никто не узнает».

Некоторые из вызванных признавали свою вину. Галя, например, чистосердечно сказала, что она, как и все, визжала и, мало того, когда стул стал съезжать с ручки двери, поправила этот стул. «С тебя снимут пионерский галстук, — сказала заведующая учебной частью,— но кроме того, иди и подумай. Придешь завтра утром».

В общем, день этот закончился, не принеся «следствию» значительных побед. Никто из ребят ничего не сказал.

***

Была ли у ребят договоренность друг с другом? Дали ли они друг другу обещание молчать? Приводил ли их к священной клятве какой-нибудь таинственный «зачинщик»? Боялись ли они, что, если они выдадут, их будут бить и преследовать? Нет, ничего подобного не было. «Просто все сами знали, что выдавать *нельзя*». Эту фразу, с небольшими синтаксическими изменениями, говорили нам многие ребята. Это общее знание сплачивало коллектив класса, а требование «выдать зачинщиков» сплачивало не вместе с педагогами, а против педагогов.

Галя, которая поправила сползавший стул и честно в этом призналась, пришла домой. Она пионерка, хорошо учится. Теперь ей предстояло позорное снятие пионерского галстука. Ни отца, ни матери не было дома. Галя заперлась в комнате и расплакалась. Соседи, знавшие, что отец девочки—пьяница, который нередко бьет дочь и жену, знавшие, что у Гали болезнь щитовидной железы, стали стучать в дверь. Галя не откликнулась. Потом она вышла на улицу и поехала к матери на работу. Прибежали ребята из класса. Они тоже знали галины семейные обстоятельства и тревожились. По квартирам, в которых жили ученики и ученицы провинившегося шестого класса, стали бегать мальчики и девочки: «Где Галя? Что с Галей? Надо искать Галю!» Ребята знали, что ее мать работает в метро, но не знали, где именно. Решено было объехать все станции. Разбившись на группы, они отправились в путь, чтобы если не найти Галю, то хоть предупредить мать, что с Галей неблагополучно. В одиннадцать часов вечера в квартиры галиных подруг стучали мальчики: «Передайте Тане, что Галя нашлась, Галя у матери, все с Галей в порядке, пусть Таня не волнуется».

Нет, неплохой коллектив в шестом классе. Ведь они только несколько месяцев, как познакомились, ведь они собраны из разных школ, и уже есть у них настоящее чувство товарищества, настоящая забота друг о друге.

***

На следующий день было созвано собрание родителей учеников провинившегося класса. Заведующая учебной частью обратилась к родителям со следующей просьбой: «Пусть родители выведают (именно так и было сказано: «выведают») у своих детей имена зачинщиков и сообщат нам».

Мы не знаем, сообщил ли кто-нибудь из ребят имена легендарных зачинщиков своим домашним. Может быть, кто-нибудь и сообщил, но родители не решились обмануть доверие сына или дочери. Во всяком случае, этим способом ничего не узнали.

И все-таки нашелся мальчик, известный и раньше в классе, как сплетник и болтун, любящий жаловаться и ябедничать, который в обстановке абсолютной тайны перечислил завучу тех, кто, по его мнению, являлись зачинщиками. Рассказывая нам об этом, завуч сказал: «Ведь вот же никто не узнал, кто нам сообщил фамилии виновных, значит, нечего ребятам нас бояться».

Мы не спросили у завуча фамилию мальчика. Мы знали эту фамилию так же, как ее знает каждый ученик шестого класса. Повидимому, поступок мальчика, сообщавшего имена «зачинщиков», представляется педагогам этой школы заслуживающим всяческой похвалы и поощрения. Ребята из шестого класса думают обратное. Мальчика этого в классе теперь не любят, с ним никто не дружит, он оторван от коллектива и даже противопоставлен ему. Вероятно, его дальнейшие школьные годы будут не очень счастливыми.

А может быть, дело еще хуже. Может быть, класс ошибается, а совсем не тот мальчик пожаловался на товарищей. Может быть, истинный виновник остался неизвестен и за него страдает другой, ни в чем не виноватый.

Все шестые классы школы были выстроены в зале. Зачитали решение об исключении из пионерской организации четырех «зачинщиков». С них сняли пионерские галстуки. Наказанные реагировали по-разному. Двое были очень подавлены, двое, наоборот, озлобились и всячески старались показать, что им это безразлично.

***

В «Педагогической поэме» Антон Семенович Макаренко рассказывает о том, как в колонии завелась воровская компания: «Чем занималась вся эта компания в темные тайные часы, узнать было затруднительно. Для этого нужно было либо шпионить, либо выпытывать кой у кого из колонистов, а мне казалось, что таким путем я сорву развитие так трудно родившегося тона». Макаренко потерял возможность раскрыть виновников, но он выиграл нечто гораздо большее — **доверие** воспитанников, правильный тон в коллективе.

Какой же тон в коллективе стремились создать педагоги в рассказанном нами случае? Тон взаимного недоверия, взаимной боязни? Не сплотить коллектив, а расколоть его?

Разумеется, важно в каждом случае нарушения школьной дисциплины выяснить, кто виновник, и виновника этого наказать. Вот ближайшая конкретная цель, которую должен преследовать педагог. Но существует общая цель всего процесса воспитания советского ребенка, и не может быть никаких обстоятельств, при которых цель эта упускается из виду. Эта цель: **воспитать советского человека.** Надо точно понимать и представлять себе, что мы хотим воспитать человека прямого, честного, мужественного. И ребенок может быть способен порой на шалость, на нарушение дисциплины, но ни при каких обстоятельствах не способен на подлость. Советская педагогика знает методы воспитания мужественного и благородного человека, воспитание в коллективе и через коллектив.

Эти две цели: ближайшая конкретная цель — наказать виновника шалости и общая цель — воспитать морально здоровый коллектив в некоторых случаях могут приходить в противоречие. Мы видели, как это противоречие решил для себя Макаренко. Для него не было здесь сомнений. Он знал, что поощрение тайного доносительства сеет в коллективе взаимное недоверие, раскалывает коллектив и не облегчает, а во много раз затрудняет педагогическую работу. В том случае, о котором мы рассказываем, педагоги выбрали другой путь. Ради конкретной практической цели—раскрыть виновников—они поступились всеми теми моральными принципами, которые в первую очередь обязаны были внушить ребятам.

Педагог разговаривает с ребенком, который не хочет выдать своего товарища, виновного в глупой мальчишеской шалости, и педагогу не приходит в голову, что у ребенка могут быть при этом этические соображения. Педагог объясняет поведение ребенка только боязнью мести со стороны товарищей. Какое неуважение к ребенку, какое неверие в его честность, в его принципиальность! «Скажи, и никто об этом не узнает». Но ведь ребенку предлагают совершить подлость. Ведь так или иначе, но класс узнает о доводах педагогов, как он узнал и в данном случае. Нам рассказывали об этом и те ребята, которые не подвергались опросам. Какая же моральная атмосфера создается в школе?

Родителям предлагают «выведать» у своих детей имена виновных, опять-таки гарантируя полную тайну. Предлагают открыто, на собрании, надеясь, что об этом не узнают ребята. И вот мать говорит сыну: «Скажи мне, кто это сделал, и я даю тебе честное слово, что об этом никто не узнает». А сын отказывается. Он не верит матери. Вероятно, в данном случае он был не прав, и мать свое слово сдержала бы, но принципиально он прав.

Первый год совместного обучения—чрезвычайно ответственный год в жизни школы. В этом году классы — это коллективы, еще не спаявшиеся, еще не имеющие своих традиций. В этом году особенно ответственно следует подходить к формированию коллектива.

Мы знаем, что педагогические методы, подобные рассказанному, не свойственны советской педагогике. Грубое нарушение дисциплины в шестом классе, конечно, никак и ничем нельзя оправдать. Но бороться за высокую дисциплину, разрушая коллектив,— значит только портить дело. Это в корне противоречит макаренковским принципам воспитания здорового, дружного, высокоморального коллектива, которые легли в основу советской школьной системы. И поскольку встретился случай столь серьезного искажения этих принципов, при этом случай, не получивший правильной оценки, мы считали необходимым о нем рассказать.

АЛЕКСЕЙ РЕШЕТНИКОВ И ЕГО МЕЧТА

Владимир РУДНЫЙ

В нашей литературе, особенно военной, романтическую приподнятость обычно связывают с исключительностью подвига и поступков того или иного героя. Сама наша жизнь подсказала многим писателям именно таких героев, которые поднялись до вершин человеческого мужества, преодолели неслыханные физические и моральные барьеры. Такие герои нам дороги прежде всего потому, что они — явление именно советской эпохи. Дороги и потому, что мастерством художника в них собраны, сгущены, сконцентрированы, как в аккумуляторе, все действительно лучшие и самые благородные черты поколения, рожденного в огне великой революции. На такого героя, будь то Корчагин, будь то Мересьев, смотришь, как на вечный пример для подражания, как на ориентир, к которому надо стремиться, как на нечто высшее, всегда, особенно в трудные минуты, способное тебя поддержать, вдохновить, обогатить. Но сколько бы ни было таких героев, этого нам мало в нашей энергичной действительности, насыщенной трудом, самоотверженностью и серьезными испытаниями воли. В строй за Корчагиным и Мересьевым становятся Кошевые, Тюленины, Травкины, соратники Ковпака — люди с чистой совестью, Вавиловы, Березкины, которые бьются за правое дело на сталинградской земле, беззаветно храбрые «ястребки» балтийского неба, герои и герои, выдвигаемые нашей жизнью каждодневно. И только тогда шагают они в этом строю, когда независимо от своей профессии, звания и положения вооружают душу читателя страстью борьбы — и для поля боя и для мира.

Читатель, а читателей у нас миллионы, ищет новых и новых героев в повседневной жизни. Читатель охотно принимает в товарищи героя себе подобного, такого, который скажет ему:

— Я это ты, это твое сердце, раскрытое здесь, на страницах книги. Вот мысли, тебя наполняющие. Вот твои беды, ошибки, большие и малые препятствия, твои переживания. Вот так можно и нужно искать, любить, ненавидеть, страдать, верить, жить. Ты можешь быть именно таким, каким хочу стать я, и даже лучше, потому что в основе своей, по всему характеру своих убеждений, воспитания, стремлений ты и есть такой — новый в истории мира, многогранный и простой человек.

Встреча еще с одним таким близким и понятным героем — праздник для нас. В ожидании такой встречи открываешь каждую новую книгу, еще не зная, что ждет тебя — разочарование или радость.

В растревоженном движением морском пейзаже, под «сильное и красивое трезвучие моторов» черноморского сторожевого катера, своеобразным монументом, упрятанным в непомерный овчинный тулуп, прозванный флотскими острословами «индивидуальной ходовой рубкой», возникает на мостике пока еще не знакомый нам командир Алексей Решетников—герой новой повести Леонида Соболева «Зеленый луч». Но вот из косматой овчины воротника выглядывает «обветренное, неожиданно молодое и несколько курносое лицо», и читатель, всматриваясь близко, в упор в это лицо, в живые серые глаза, узнает душу юноши — своего современника, узнает в нем товарища, и теперь не дремлющего на мостиках бесчисленных кораблей и корабликов в морях и океанах нашей бурливой жизни; именно того, которого повседневно ждал и искал.

Алексей Решетников ведет корабль в глубокий тыл врага, к берегу, занятому противником. Увлеченный будничными хлопотами войны, озабоченный надежным снаряжением шлюпки-шестерки, на которой предстоит переправить на берег разведчиков, отягощенный беспокойством командира, ответственного перед Родиной и за корабль, и за людей, многие из которых значительно старше него, и за дело, ему порученное, Алексей Решетников остается на мостике самим собой — не дутым монументом, а юношей, переживающим чудесную пору романтической приподнятости и одухотворенности каждого поступка, юношей, мечтающим увидеть, поймать легендарный зеленый луч, вспыхивающий над морем на одно мгновение в час заката, «ослепительный, как само счастье, и памятный на всю жизнь...». Эта пронизывающая все повествование мечта о зеленом луче, о живой жизненной страсти наполняет каждую клеточку его существа, освещает всю великолепную суть его характера, характера простого и вместе с тем поднятого до степени большого обобщения.

С жадным любопытством познания истоков этого характера мы погружаемся в детство героя, мысленно переносимся с мостика воюющего на Черноморье катера в алтайские степи, далекие от какого бы то ни было моря, в обыкновенную семью совхозного зоотехника, любящего свое дело поэтически, и философски видящего назначение мыслящего человека «в том, чтобы охранять жизнь во всех ее формах, заботливо раздувая чудесный ее огонек, вспыхнувший в любом существе, и совершенствовать эти формы для блага людей, исправляя слепую природу». В ту пору воображение, взбудораженное случайно найденным морским романом Жюль Верна, родило мечту Алексея Решетникова о чуде зеленого луча, возможном лишь в океане и видимом лишь счастливцами, мечту о море, о плаваниях и путешествиях. Эта мечта крепла в «сражениях» и походах по пограничному озеру на самодельном вельботе, в забавах детства, навеянных напряженным духом времени, близостью рубежа и, пожалуй, свойственным всякому мальчишке увлечением морской романтикой, увлечением, способным привести к горькому, непоправимому разочарованию, если оно останется поверхностным, книжным. Но мечта о зеленом луче мужала в далекой степи, куда докатывались громы борьбы в Испании, у Хасана, на Халхин-голе, мужала вместе с возмужанием детского сердца, чуткого к тому, чем живет Родина, обостренно впитывающего все события века — от малого до великого.

Нелепая экскурсия на городскую бойню, затеянная чиновником-педагогом, потрясение внезапным открытием проблемы жизни и смерти, боль размышлений, познание окружающих людей, разных, но наделенных общими качествами: дружелюбием, человечностью, осмысленностью их труда, потеря большого взрослого друга в водах воюющей Барселоны, — через все это приходит Алексей Решетников к возмужанию, к поискам жизненного пути, к острой необходимости скорее решить: кем быть, что такое долг, «куда жить» и к твердому решению, что его долг — скорее научиться владеть оружием.

«...Гроза... непременно будет!..», — этим взволнованным возгласом провожает Решетникова мать. «Война непременно будет» — вот что он понимал»,— пишет Соболев, подчеркивая, что решающий для Решетникова час «навсегда связался в его представлении с видением зловещей тучи, в недрах которой шевелилась мрачная сила и проблескивали молнии». Тем он и дорог нам, что его ясное понимание патриотического долга в суровый час есть и наше ощущение и наше понимание. Так возвращаемся мы с героем на мостик идущего в бой корабля, познав истоки его мужества и вместе с ним переживая настойчивую необходимость быть все время начеку. Все это относится к сороковым годам, но близко нам и в годы пятидесятые, ибо Алексей Решетников в своих исканиях, мыслях и решениях — человек нашего поколения, которое по советской природе своей воспитывается самым человеколюбивым, однако с первой же самостоятельной мысли начинает остро чувствовать, что человеколюбие не есть беспочвенное философствование, что гуманизм революционера — это не мещанская жалость, а действие, борьба за жизнь, активная защита человека. А для этого приходится жить, работать всегда с оружием в руках.

Решетников вступил в командование прославленным кораблем, уже пройдя курс наук в училище и практику в бою, совершив однажды подвиг, который мог бы стать самостоятельным сюжетом для рассказа о храбрости юного офицера; но на войне таких подвигов было много больше, чем отмечено наградами, и для Решетникова он становится лишь поступком, открывающим ему будущие возможности. Ему приходится краснеть, когда, переоценив этот поступок, он выставляет напоказ свой единственный орден в кубрике, где едва ли не у каждого матроса по нескольку наград. Как же ему, мальчишке, стать командиром этих заслуженных, не раз глядевших смерти в лицо, людей? Он понимал, что путь к сердцам подчиненных лежит через его собственное сердце. Для сердца черствого, себялюбивого, такого, как у барчуков из «Капитального ремонта» — питомцев николаевского морского корпуса, этот путь закрыт. Но он открыт сердцу командира советского воспитания. Решетников пришел на корабль, где любят прежнего командира, погибшего в бою. Ему чуждо чувство ревности к предшественнику. Он приказал вывесить в кубрике портрет прежнего командира, не соперника, а друга.

Но одного правильного шага мало. Решетников в раздумье: верный ли избрал он путь, сумеет ли сблизиться с экипажем, командовать этими людьми в бою? Мало времени для раздумья. Скоро в поход, в бой. Решетников завидует храброму Луникову, майору из штатских, олицетворению спокойствия и мужества, который не без юмора рекомендует следовать наставлениям римского философа Сенеки и «не представлять себе неприятностей, пока они не случились». Вот Луников, он, бесспорно, владеет той направляющей силой, что подобна силе земного магнетизма в корабельном компасе, называемой «лямбдой-аш» и известной каждому военному моряку из теории девиации. Как нужна сейчас эта «лямбда-аш», эта ясная целеустремленность «куда жить» Решетникову! Ему трудно, он ошибается в людях, ущемленное юношеское самолюбие толкает его к малодушию, к капитуляции, к попытке сбежать на другой корабль, где, может быть, все сомнения разрешатся легче. Но это ложный шаг, от этого шага его предостерегает старший командир Владыкин, требующий, чтобы Решетников твердо решил, чего же он в жизни хочет. Владыкин сурово и, на первый взгляд, черство советует ему не мучить себя вопросом «куда жить», а думать о победе,—это и есть искомая целеустремленность. Нет, Владыкин не черств, он, смеясь, говорит: «Давайте-ка, Решетников, воевать, а философию пока отложим». Он не требует от своего героя прямолинейности, наоборот, тонко понимая его характер, он дает правильное, нужное для дела войны, направление его исканиям. Владыкин учит его учиться у других, познавать мысли и души подчиненных, любить людей и в каждом уважать человека, независимо от того, стоит ли он ниже или выше тебя на ступенях службы.

Командовать людьми можно, только учась у них, уважая, любя и зная человека, его существо. Люди, окружающие Решетникова, душевно щедры. Они охотно отдают ему крупицы своего жизненного опыта. Боцман Хазов, коммунист, всегда готов помочь своему командиру-комсомольцу.

«Патриот машины. Угрюм, но отзывчив. Скромен, неразговорчив...» — как часто подобным штампом бездушные чиновники подменяют подлинное знание человека. Занеся такую характеристику механика Быкова в записную книжку, Решетников сам чувствует, что он на ложном пути. Именно Никита Хазов учит командира глубже разбираться в людях, не мельчить, не благодушествовать, не судить по первому впечатлению, по анкете, по ярлыку. Решетников Соболева протестует против унылой казенщины, мешающей и в книгах, и в критике, и вообще в жизни. Не бюрократическая характеристика, а поступки, дела дают представление о Быкове-человеке. Одно слово «лабаз», брошенное Хазовым на партсобрании в лицо «доставале» Петляеву, как политическая характеристика его вредных для войны махинаций, и занесенное Решетниковым в записную книжку, создает живой портрет умного и острого коммуниста Хазова, достойного, чтобы его командир думал о нем «с чувством глубокого уважения, как о человеке, который стоит в нравственном отношении много выше его самого». А вот своего помощника Михеева Решетников (а вместе с ним и читатель) так и не узнает. Михеев до конца повести остается неопределенным, обтекаемым должностным лицом, каких очень много гуляет по нашим книгам, не волнуя, а лишь раздражая читателя. Это путь мимо человека. Во всех остальных персонажах автор идет путем живого раскрытия и познания.

Корабль приближается к заданной цели, и в час близкой развязки мы вместе с автором и его героем придирчиво и беспокойно проверяем боеспособность экипажа. Словно перед артиллерийским залпом, мы просматриваем людские взаимоотношения, как самый главный боезапас. Сколь крепки и надежны нити, связывающие молодого командира с экипажем? Чем, кроме должности, звания, устава, закона, сильны эти связи?

Единством цели, внутренней спайкой, дружбой, незыблемой верой в человека. Это дает Решетникову право послать двух родных ему воинов на дело смертной опасности и включить негаснущий зеленый луч, незримый для врага, но хорошо видимый его людям. Он уже не мальчик, не юноша, он офицер и командир, знающий, что, кроме тех двоих, на его ответственности—весь экипаж. Он ясно видит «куда жить», он должен жить, чтобы не давать войне убивать, «чтобы удавить эту войну и не дать выскочить на волю новой. Другого дела в жизни нет».

Горит в ночи зеленый луч ратьера, и два человека там, на краю гибели, на пределе сил, сознают, что им нельзя погибнуть, что их долг — жить. Их долг — сообщить командиру, что задание выполнено,— иначе так и останется нераскрытой тайна бухты Непонятной и катер не пришлет за разведчиками, оставленными на берегу. Компас затоплен вместе со шлюпкой, но в сердце двух моряков есть та твердая направляющая сила, которой теперь владеет и их командир. Они плывут и находят спасительный луч, веря в то, что катер их ждет, зная, что надежнее дружбы и преданности в жизни счастья нет.

Это поэтически воспетое чувство долга и дружбы горит лучом спасения в боевую ночь, принося людям победу над смертью.

Алексей Решетников молод. Его жизнь впереди. Его поиски и находки помогут жить его сверстникам, помогут и людям старшего поколения. Приняв Решетникова в свои ряды, читатель не может остаться безразличным к человеку, подарившему ему такого надежного товарища, к творческому пути писателя, умеющего так искусно раздуть живой романтический огонек.

Минувшей весной в Кронштадт на празднование двухсотпятидесятилетия приехала писательская делегация — несколько литераторов, пишущих о флоте. Один из них, человек уже немолодой, сойдя с катера на каменистый берег, словно вернулся к своей юности. Вдоль и поперек с утра и до ночи он мерил булыжные мостовые и неровные тротуары города-крепости, ходил, искал, вспоминал, встречал, радовался, горевал, обнимался среди улицы с каким-то усатым подполковником, хранителем морского архива, которого знавал этак черверть века тому назад в той же должности, но в звании старшинском. Это был Леонид Соболев, автор «Капитального ремонта», «Морской души» и других произведений, полных простора и морского ветра, мужества, страсти, юмора, всегда отточенных по форме, языку и мысли, как сама флотская служба. Его встречали всюду горячим вниманием, и только один вопрос, застывший у каждого на устах, никто не смел ему задать: когда он напишет новую книгу? В этой заботливой деликатности, свойственной любящему читателю, сквозила давняя тревога за долгое молчание, за творческую судьбу большого, имеющего постоянное место в читательском сердце писателя. Потому с такой внутренней радостью, с надеждой и в то же время с опасением открываешь журнал, где Леонид Соболев вновь появился уже не в качестве переводчика романов казахских писателей или автора зорких очерков о Бухаресте, а как автор долгожданной новой повести.

Л. Соболев создал произведение, внешне будто ограниченное палубой малого корабля и недолгими часами опасного похода, от заката до рассвета, от вечернего спуска флага и до утреннего его подъема. Но это лишь форма, твердая, чеканная, в которую влито размашистое литературное полотно, объемлющее пространства нашей земли, глубину душ, событий, судеб, вобравшая в себя широкий жизненный материал, множество конфликтов, картин, мыслей. Все в ней подчинено единой цели, идее. Ясность мысли, яркость красок, неподдельный пафос человеческой души сочетаются в этой повести с художественной тонкостью и точностью словесной ткани и психологического рисунка.

Леонид Соболев. «Зеленый луч». Повесть. Журнал «Октябрь», №№ 11—12, 1954.

Молодой латвийский скульптор Лаймонис Блумберг заканчивает работу над скульптурой, воссоздающей образ латышского поэта-революционера Э. Вейденбаума. Работа Л. Блумберга будет представлена на выставке латышского искусства в Москве. На снимке: Л. Блумберг за работой над скульптурой.

Фото Е. Фадеева

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

★ **Семинар драматургов РСФСР** начинает свою работу в конце января в Москве. Он организован Союзом писателей, Министерством культуры РСФСР и Всероссийским театральным обществом. Работа семинара продлится около месяца. В нем примут участие сорок литераторов автономных республик, краев и областей РСФСР, в их числе— драматурги, чьи пьесы обсуждались на предыдущих семинарах и ныне идут на сценах театров. К обсуждению пьес, над которыми работают сейчас молодые литераторы, привлечены московские писатели, театральные критики и режиссеры.

★ **Памяти Джафара Джабарлы**, выдающегося азербайджанского драматурга, двадцатилетие со дня смерти которого исполнилось на днях, был посвящен литературный вечер в Баку. Д. Джабарлы внес большой вклад в развитие азербайджанской драматургии. Его перу принадлежат пьесы «В 1905 году», «Севиль», «Айдын» и другие, с неизменным успехом идущие в театрах Азербайджана, Армении, Грузии, Туркмении.

★ **Группа московских писателей** выезжает в Брянск, где примет участие в совещании молодых литераторов. На совещании будут обсуждены произведения местных авторов. Часть этих произведений опубликована в недавно вышедшей третьей книге сборника «Край родной».

★ **Секретариат Союза писателей** образовал комиссию, которой поручена подготовка к печати произведений Михаила Кольцова. В составе комиссии — Д. Заславский (председатель), Б. Агапов, Б. Ефимов и К. Симонов.

★ **Встречи зарубежных писателей** с московскими литераторами состоялись в иностранной комиссии ССП СССР. Во время бесед с иранским писателем Сейдом Нафиси и индийским писателем Балвантом Гарги разговор шел о различных сторонах литературной жизни Ирана и Индии, о книгоиздании в СССР и т. д.

★ **На вечере в Центральном доме литераторов** писатель В. Захарченко поделился своими впечатлениями о четырехмесячном путешествии, совершенном им на советском теплоходе из Одессы на Сахалин.

Издается в Латвии

Латвийское государственное издательство в нынешнем году выпустит около шестидесяти книг местных писателей.

В связи с 50-летием первой русской революции подготовлен к печати сборник произведений Яна Райниса — «Стихи 1905 года». В новом издании выйдут романы А. Упита «Северный ветер» и А. Саксе «Трудовое племя», в которых отображена революционная борьба латышского народа.

В ближайшее время читатель получит роман В. Лациса «Семья Зитаров». Готовятся к изданию новый роман И. Леманиса «Перед рассветом», сборник стихов А. Балодиса «Ветер в окно» и другие.

На русском языке издаются избранные произведения Э. Бирзниека-Упита, Л. Паэгле, С. Эджуса, А. Балодиса, Ю. Ванага, М. Кемпе, романы «Поселок у моря» В. Лациса, «Золото» и «На грани веков» А. Упита, «Латышские советские рассказы» и «Латышские советские пьесы».

Новые книги

Герман Ю. Россия молодая. Исторический роман. Издание 2-е, доработанное и дополненное. «Советский писатель». Кн. 1. 695 стр. Цена 11 руб. 75 коп. Кн. 2. 640 стр. Цена 11 руб.

Дорош Е. Рассказы. «Советский писатель». 276 стр. Цена 5 руб.

Казакевич Э. Сердце друга. Повесть. Воениздат. 206 стр. Цена 4 руб. 70 коп.

Ласуриа А. Кнабрхунское утро. Рассказы. Авторизованный перевод с абхазского. «Молодая гвардия». 152 стр. Цена 2 руб. 90 коп.

Масс В. и Червинский М. Сатирические стихи. «Советский писатель». 100 стр. Цена 2 руб. 05 коп.

Рассказы писателей Урала. Свердловское книжное издательство. 368 стр. Цена 9 руб. 85 коп.

Рассказы 1953 года. «Советский писатель». 624 стр. Цена 10 руб. 70 коп.

Свежий ветер. Сборник сатиры и юмора. Читинское книжное издательство. 80 стр. Цена 1 руб. 60 коп.

Семенов А. Закон дружбы. Рассказы. Хабаровское книжное издательство. 152 стр. Цена 1 руб. 80 коп.

Тамарченко Г. Романы Н. Г. Чернышевского. Саратовское книжное издательство. 280 стр. Цена 8 руб. 25 коп.

Ткач Д. Крутая волна. Повесть. Авторизованный перевод с украинского Л. Шапиро. Воениздат. 240 стр. Цена 4 руб. 80 коп.

Шамота Н. О художественности. «Советский писатель». 300 стр. Цена 6 руб. 80 коп.

Ян Т. Лирические стихи. Казань. Татарское книжное издательство. 68 стр. Цена 60 коп.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый тов. редактор!

По моему недосмотру в сокращенной стенограмме моей речи на Втором всесоюзном съезде писателей (см. «Литературную газету» от 25 декабря прошлого года) осталась неупомянутой фамилия автора талантливых работ о Короленко, изданных Детгизом.— А. Дермана.

Разрешите исправить мою невольную оплошность.

Корней ЧУКОВСКИЙ

Замысел, события, характеры

А. БОЧАРОВ

«Алексею всегда почему-то казалось, что дорога имеет только одно направление, как течение реки. Раньше, в Минске, он, не думая над этим, представлял себе, что шоссе направлено только в сторону Москвы... Теперь дорога изменила свое направление — она идет в Минск... Видно, дороги всегда бегут туда, куда стремится человек. Когда кончится война, дороги развернутся во все стороны — на восток, на юг, на север... Теперь же у них у всех только одно направление!».

Эти слова из книги молодого белорусского писателя И. Мележа «Минское направление» как бы вобрали в себя основной замысел произведения. Большой по объему, роман И. Мележа невелик по «времени и пространству» повествования: действие начинается в весенние дни 1944 года, когда наши части находились в трехстах километрах от Минска; вторая и третья книги романа посвящены десятидневному — с 23 июня по 3 июля — наступлению Советской Армии и освобождению Минска.

Тяжелой картиной открывается роман: усталые, тревожно-молчаливые беженцы бредут через белорусские болота, по-весеннему холодные и многоводные. Низко нависли темносерые, угрюмые облака: клубится кругом дым пожарищ: гитлеровцы проводят карательную экспедицию против партизан. Лежат на дороге убитые с почерневшими лицами; над ними не плачут, их не пугаются, у каждого — свое горе. Смертью, слезами и, кажется, безысходным горем переполнена многострадальная Белоруссия.

Но вот вдали раздаются выстрелы партизанских заслонов, ведущих бой с карателями, все шире развертывается действие романа — в отрядах партизанской бригады, в штабе 3-го Белорусского фронта, у гвардейцев-танкистов, — и все светлее и светлее становится на душе: эти люди обязательно победят!

Роман широк по количеству героев и обилию самых различных тем: мы видим и воинскую доблесть советских солдат, и душевную чистоту любящих, и трудную жизнь в оккупации, и низкую, звериную жестокость фашистов, и светлое мужество арестованных подпольщиков, и первые шаги по восстановлению разрушенного хозяйства. Все это призвано создать картину поединка двух лагерей, поединка, в котором побеждают те, кто лучше, чище душой, благороднее, кто одушевлен высокой целью.

Стремясь запечатлеть крупные, значительные жизненные события, И. Мележ умеет в то же время наблюдательным взглядом художника подмечать выразительные мелочи, детали, без чего нет произведения, ибо именно они создают его «атмосферу». Вот автор видит вражеские самолеты: «обратно бомбардировщики шли облегченные, ревели спокойнее, словно утолили свою жажду крови». Вот бомбежка в лесу: «как солдаты в бою, широко раскинув ветви-руки, падали деревья».

Но, читая эту во многом удачную книгу, никак не можешь отделаться от постоянного чувства неудовлетворенности. И об этом следует сказать откровенно и прямо: И. Мележ — способный писатель и не нуждается в снисходительных скидках на молодость и неопытность, он имеет возможности работать лучше, взыскательнее.

Молодой автор задумал свое первое крупное произведение, как роман-эпопею. Этот сложный, но благодарный жанр позволяет свободно сочетать историческую точность, документальность с художественным вымыслом, раскрытие сложнейших душевных переживаний героев с крупномасштабным изображением народной жизни. Богатейший жизненный материал для создания эпопеи дали годы Великой Отечественной войны, когда так наглядно и нерушимо слились воедино судьба каждого человека и судьба родной страны, родного народа.

Нет ничего удивительного в том, что И. Мележ попытался создать эпопею борьбы белорусского народа.

Но перерастание романа в роман-эпопею не происходит ведь в силу одного лишь увеличения количества героев и эпизодов «из разных сфер жизни». Эпопея прежде всего предполагает особую глубину изображения решающих моментов жизни народа в монументальных образах героев, призванных решать общенародные исторические и нравственные проблемы.

Что же получилось у И. Мележа?

Самые разнообразные явления жизни торопится запечатлеть автор: жизнь партизан, бои на фронте, гитлеровскую тюрьму, восстановление разрушенного хозяйства, учебу танкистов, деятельность подпольщиков и т. д. и т. п. Чрезвычайно легко сменяют друг друга эпизоды. Иногда они скреплены еле видными сюжетными нитями, а чаще автор обходится без всяких нитей: просто сейчас говорил о советских танкистах, а затем вспомнил о вражеских.

Так стремление описать как можно больше исторических событий и явлений действительности подменяет главное в искусстве — интерес к человеку, словно, рассказав о происшедшем в жизни, можно автоматически объяснить, что произошло в человеке.

Отсюда и идет перенаселенность романа И. Мележа. Конечно, не существует никакой «нормы представительства» героев для рассказа, повести или эпопеи. Но ведь перенаселенность — это не количественный подсчет, а читательское ощущение: автор ввел в повествование много героев и не сумел оправдать их появление.

И это ясно чувствуется в «Минском направлении». Там, где автор шел от характера, он находил живые, запоминающиеся штрихи: можно ли забыть Нину Лагунович, которая, оставив в Минске грудного ребенка, стала партизанкой-разведчицей и так мужественно выдержала пытки гестапо; можно ли без симпатии пройти мимо образа озорного, талантливого подрывника Шапуры, любившего, «чтобы о нем строили догадки, рассказывали легенды. Так ему казалось интереснее». А какое активное чувство гнева и презрения вызывает трус и дезертир Гречка, сбежавший из партизанского отряда и неизбежно ставший предателем и доносчиком, ибо «им руководило одно желание, заслонявшее все остальное: спасти свою жизнь».

А там, где нет характера, а есть только «функция», бродят по роману «лишние» герои: схематичные танкисты Солнцев и Быстров, пехотинцы Туровец и Шарыфутдинов. Чисто иллюстративное значение имеет стандартный образ немца-мародера Вольфа.

Потому и получилось в романе поучительное противоречие: автор пытается показать жизнь шире, а она становится под его пером мельче, ибо мало охватить большой круг явлений действительности, — нужно еще уметь воплотить их в большие человеческие характеры — под стать размаху событий.

Казалось бы, таким героем мог быть генерал Черняховский — командующий фронтом. Ему уделено много страниц: он ездит по воинским частям, беседует с солдатами. Все это какие-то отдельные живые штрихи, столь необходимые для создания образа. Но их сумма не дает цельного, большого характера, ибо автор не показал главное в характере своего героя: неукротимую волю, глубину полководческого таланта командующего.

Правда, автор пытается «сформулировать» это главное в характере героя:

«Если во время прорыва Черняховский проявил умение вести наступление одновременно на нескольких участках, если позже он доказал, что умеет очень хорошо маневрировать войсками, то подготовка борисовской операции показала еще одну выдающуюся черту Черняховского как полководца — умение сконцентрировать войска на главном участке, заранее добиться перевеса над врагом, создать условия для победы». Но как неинтересны эти «умения», не воплощенные в художественной ткани произведения, в конкретных переживаниях и поступках героя! Да они и не могли быть воплощены — это ведь набор общих качеств любого способного полководца, а не черты характера определенного героя.

А вот другой образ, которому отведено едва ли не центральное место в романе,— Алексея Лагуновича. Именно он мог бы стать героем, наиболее полно, отчетливо воплотившим величие сражающегося народа, способным горячо волновать сердца читателей.

Опять-таки герой показан автором с обилием деталей: читателю рассказано и как Алексей любит дочь, и как он воспитывает разболтанного, эгоистичного солдата Рыбакова, и как руководит боем. И снова мы не видим: чем же широка, привлекательна у него душа. Этой «живинки», определенности характера, показанной во всех действиях героя, создающей неповторимую прелесть и привлекательность образа, нет у Алексея. Снова нам аттестуют, а не показывают героя: «он не знал усталости, круглые сутки проводя в холодном броневом колпаке. Товарищи удивлялись его отваге, выносливости и настойчивости», «днем и ночью Алексей заботился о своих экипажах». Но ведь читатель не может полюбить декларацию, он полюбит только живого героя, его беспокойную, яркую натуру.

Откуда же идет такая сухость, бесцветность? Кажется нам, что причина проста: автор заранее решил, какими чертами должны обладать герои его романа, а потом уже подгонял под эти черты тот или иной эпизод, в котором они должны раскрываться. Потому-то такими безжизненными оказались столь обстоятельно «аргументированные» характеры.

Предвзятость многих построений наглядно видна и в образе гитлеровского офицера Кляммта. В авторской речи Кляммт все время аттестуется честным служакой; даже в плен он не сдается только из неуклонного чувства дисциплины. А в то же время изображен Кляммт хладнокровным убийцей: он застрелил женщину с ребенком, уничтожил деревню со всем ее населением, задушил мальчика. Ясно, что его гонит страх, дикий животный страх перед справедливой расплатой, а вовсе не желание «быть до конца верным своему солдатскому долгу». Да и сам Кляммт прекрасно сознает свою бандитскую сущность. В разговоре с ефрейтором Келлером «он каблуком прижал траву, потом отвел сапог в сторону. В ямке, выдавленной каблуком, трава упруго поднялась. — Завтра, Келлер, она совсем выпрямится. Для того, чтоб она никогда больше не поднялась, ее надо вырвать с корнем». Можно ли хищника рекомендовать как «службиста»?! А получилось это, видимо, потому, что автор шел не от живого образа, а от двух «замыслов», столь неудачно столкнувшихся в одном образе.

Когда эпизоды существуют сами по себе, а не подчинены раскрытию тех или иных сторон характера героев, неизбежно теряются динамика, собранность повествования, появляются абсолютно ненужные для развития действия сцены, диалоги. По нашему мнению, излишен рассказ о переживаниях Шабунихи при известии, что деревня занята отступающими немцами. Не нужен эпизод с разгромом отступающей группки немцев на ржаном поле. Совершенно выпадает из сюжета вся «линия» с английской военной миссией и т. д. Трижды приводится в книге один и тот же факт: сначала автор сам описывает, как гитлеровцы сожгли деревню и расстреляли население, потом Малинин рассказывает об этом Черняховскому и, наконец, Авдотья повторяет Щербатюку.

Так удачное произведение начинает расползаться от желания автора «рассказать все». Жаль, что, стремясь широко показать жизнь, И. Мележ не сумел отобрать наиболее значимые, обобщенные образы и явления, уступил наплыву мелких, частных наблюдений.

Иван Мележ. «Минское направление». Роман. «Советский писатель». 1954. 717 стр.

Юбилей писателя-переводчика

Исполнилось 70 лет со дня рождения одного из старейших писателей-переводчиков — Я. С. Хачатрянца.

«Правление Союза писателей СССР,— говорится в приветствии, посланном юбиляру,— горячо поздравляет Вас в день Вашего семидесятилетия. Своей долголетней творческой работой Вы много помогли делу пропаганды армянской классической и советской литературы. Ваши художественные переводы произведений Александра Ширванзаде, Аветика Исаакяна, Нар-Доса, Акопа Пароняна и других, составленные Вами сборники армянских новелл и армянских сказок пользуются заслуженной широкой популярностью среди советских читателей.

Желаем Вам, дорогой Яков Самсонович, долгой жизни, доброго здоровья, новых творческих успехов.

Крепко жмем Вашу руку!».

Новые исследования и публикации

При изучении экземпляров журнала «Современник» за 1847 и другие годы обнаружено несколько стихотворений без названия и подписи. Содержание их совпадает с текстом глав некрасовского романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова». Тщательный анализ позволил установить принадлежность этих стихотворений великому поэту. Об этом сообщил недавно в своем докладе на научной некрасовской конференции в Ленинграде кандидат филологических наук А. Гаркави (Калининград).

На конференции с сообщением выступила кандидат филологических наук Л. Розанова (Иваново). Изучив ряд неопубликованных и архивных материалов, записей самого поэта, она выяснила, что, создавая поэмы «Дедушка» и «Русские женщины», Некрасов черпал для них сведения не только в записках М. Волконской, как обычно считалось, но и пользовался нелегальными изданиями альманаха «Полярная звезда», записками декабриста Н. Басаргина, лично встречался с участниками восстания.

***

В рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) найдена записная книжка Белинского, относящаяся к 1828—1830 годам. Она содержит списки стихотворений поэтов того времени и суждения критика о творчестве их авторов.

Среди авторов поэтических текстов первое место занимает А. Пушкин. Белинский переписал в книжку его «Талисман», «Нереиду», «Демон». Здесь же стихи В. Жуковского, К. Батюшкова, Н. Языкова и других.

В архиве А. Краевского, хранящемся в публичной библиотеке, обнаружена другая рукопись Белинского. В ней — списки пяти народных песен из сборника, составленного А. Кольцовым. Эти материалы, подготовленные кандидатом филологических наук Р. Заборовой, помещены в ежегодном сборнике публичной библиотеки.

НЕЛЬЗЯ ОБМАНЫВАТЬ ВСЕХ И ВСЕГДА

На этот раз, как и обычно, в новогодних посланиях западных политических деятелей не было недостатка в миролюбивых заверениях. Роль доброго рождественского деда-Мороза, щедро одаривающего людей подарками, государственные мужи исполняли с похвальным рвением. А американская реакционная печать в эти дни всерьез принялась разглагольствовать о «новом подходе Вашингтона к вопросам внешней политики».

Заокеанская пропаганда не впервые пускается в рассуждения о некоем «новом подходе». Народы привыкли с осторожностью относиться к подобным утверждениям, сплошь и рядом оказывавшимся на поверку лишь очередными маневрами. Иные эти рассуждения нашли довольно трезвую оценку в... той же американской печати.

Не кто иной, как вашингтонский корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Керр заявил, что сейчас американские дипломаты в своей политике придают важное значение «примирительным словам» и отказу от «вызывающих манер». Но означают ли эти «примирительные слова» нечто большее, чем просто слова?

Г-н Даллес в январском номере «Нейшнс бизнес» поведал читателям, что он перечитал статью, написанную им и опубликованную в том же журнале год назад, и «был поражен неизменностью основных целей США», верностью принципам политики «с позиции силы». Спрашивается, где же этот «новый подход»?

Речь явно идет, как о том и свидетельствует Керр, лишь об изменении тактики, о «поисках лучших средств для достижения прежних целей».

Международная атмосфера в прошедшем году потеплела. Это потепление наступило в результате усилий Советского Союза, всего демократического лагеря, в результате борьбы народов за мир. Даже американская реакционная печать теперь признает, что наступило некоторое ослабление международной напряженности. И вот этот бесспорный факт западные газеты пытаются использовать в своих пропагандистских целях. Они утверждают: опасность войны уменьшилась потому, что... правящие круги США занимали твердую позицию и все время вооружались!.. Такова «логика» западных пропагандистов, логика шиворот-навыворот. Впрочем, логика их меньше всего интересует. Их задача — снабдить дядю Сэма ангельскими крылышками и нимбом. Их задача — обмануть общественность и затушевать опаснейшие последствия нынешней политики США.

Враги мира и международного сотрудничества прилагают все усилия для дальнейшего обострения международной обстановки. Они активизировали и свою пропаганду, стремясь ввести в заблуждение как можно большее число людей. Всячески форсируя возрождение германского милитаризма, раздувая атомную истерию, они в то же время лицемерно твердят о мире и о «новом подходе».

Какие манипуляции проделывают специалисты по дезинформации общественного мнения, видно из следующего характерного примера. В последнее время, как сообщает американская печать, из лексикона политиков США исчезли слова: «массированный ответный удар». Что произошло с этим изобретением г-на Даллеса? Оказывается, пишет в другой статье тот же Керр, это — «символ политики, вызвавшей значительную критику». И вот символ исчез. А политика, политика запугивания атомной войной, которую г-н Даллес и именовал «массированным ответным ударом»? Осталась. Керр пишет, что «сама идея продолжает оставаться в силе».

«Нью-Йорк таймс» поведала даже о новом «математическом» (!) определении термина «массированный ответный удар». Теперь, пишет газета, это называется «политикой двух иксов». Сей термин означает, что США готовы нанести противнику двойной ущерб, то есть обрушиться на него с тем же «массированным ударом»... Но зато именуется это куда более загадочно — «политика двух иксов». Какой из буржуазных дипломатов не мечтает, чтобы его речи и действия остались для народа уравнением со многими неизвестными?..

Поиски «лучших средств», может быть, принесут моральное удовлетворение г-ну Даллесу и его коллегам. Однако пропагандистские ухищрения не скроют от народов правды: нынешняя американская политика ведет не к смягчению, а к еще большему обострению международного положения.

Все видят, например, что наряду с восстановлением германского милитаризма агрессивные круги США усиливают «атомную горячку». Недавняя сессия Северо-атлантического блока фактически предоставила американскому командующему право решать вопрос о применении атомного оружия. А этим командующим является генерал Гриэнтер, давно уже зарекомендовавший себя как сторонник атомной войны. Не уменьшило тревогу общественности и ежегодное послание президента Эйзенхауэра конгрессу США. В послании подчеркивается, что «в новом военном бюджете делается упор на развитие современной воздушной мощи в военно-воздушных силах, военно-морских силах, морской пехоте и **увеличивается упор на использование новых видов оружия, особенно обладающих быстрой и разрушительной силой удара»**.

Английская газета «Таймс», комментируя послание Эйзенхауэра, замечает: «Бесспорно, создается впечатление, что Соединенные Штаты все более и более думают о том, что если придется вести войну, то исключительно с помощью военно-воздушных сил и ядерного оружия». Вот и получается: вашингтонские деды-Морозы сулят мир на словах, а на деле кладут американцам под елку проекты атомной войны, кстати говоря, чрезвычайно похожей на гитлеровский «блицкриг».

Трудно сказать, на что рассчитывают пентагонские стратеги. Тот, кто не утратил память, хорошо знает, чем завершались попытки вести «молниеносную войну». А любая новая попытка поклонников «блицкрига» неизбежно приведет к самым тяжелым для всех участников «атлантического содружества» последствиям. Видимо, чувствуя несостоятельность военных рецептов, извлеченных из гитлеровского арсенала, империалисты США одновременно твердят о развитии всех родов вооруженных сил. Агентство Юнайтед Пресс распространило на днях хвастливое заявление о том, что «все три рода вооруженных сил могут использовать атомное оружие». Добавим: США заботятся о том, чтобы снабдить атомным оружием не только свою армию, но и возрождаемый западногерманский вермахт. Датский журнал «Фрит Данмарк» пишет, что «на территории Западной Германии уже находится завезенное туда американцами тактическое атомное оружие, и как только будут ратифицированы парижские соглашения, в западногерманских вооруженных силах будут созданы части, снабженные таким оружием». Парижские соглашения и «атомная горячка» — звенья одной и той же цепи, цепи обострения международного положения.

Итак, разговоры о «новом подходе» — всего только разговоры. «Дело в том, как употреблять слова», — цинично пишет «Нью-Йорк таймс». Вот именно! Весь мир хотел бы, чтобы слова употреблялись в точном соответствии с их значением.

Народы, несмотря на ухищрения реакционной пропаганды, разбираются в существе американской политики. Об этом свидетельствует все усиливающаяся борьба против парижских соглашений, об этом говорит все растущее движение за запрещение атомного и термоядерного оружия. Может быть, кое-кто и рассчитывает запугать народы, размахивая водородной бомбой. Заявил же на днях председатель палаты представителей США Рейбарн, что американский военный бюджет будет достаточен для того, чтобы «сделать нас сильными и заставить весь мир бояться нас». Однако это тщетные надежды! Лагерь мира спокоен. Он обладает достаточной мощью для отражения любого удара.

Американская газета «Нью-Йорк таймс» писала как-то: «Праздник нового года был придуман потому, что человечеству присуще инстинктивное стремление зачеркивать прошлое и начинать все сызнова». Увы, как ни хотелось бы этого кое-кому за океаном, человечество отлично помнит прошлое во всех деталях... И что бы ни говорила реакционная печать, подводя итоги года и превознося до небес «достижения» агрессивной американской политики, народы думают иначе. Они знают, что именно из-за этих «достижений» в мире существует напряжение. И напротив, политика СССР, политика мира и сотрудничества между всеми народами способствует очищению международной атмосферы.

Г-н Даллес чувствует растущее народное сопротивление. И именно этим объясняются поиски тактических приемов. Впрочем, если джентльмены во фраках «из туманной ямы» верят, что напускаемый ими политический туман поможет им избежать провалов, то джентльмены с вечными перьями в руках с Таймс-сквера* в Нью-Йорке не считают даже нужным скрывать свои мысли. Они прямо говорят, что все это слова, слова, слова... Любителям «новых подходов» следовало бы вспомнить изречение их великого соотечественника Линкольна: можно обманывать некоторых людей все время, можно обманывать всех людей некоторое время, но нельзя обманывать всех и всегда.

О. ПРУДКОВ

* «Туманной ямой» называют район Вашингтона, где находится здание государственного департамента США. Таймс-сквер — улица в Нью-Йорке, где находится редакция «Нью-Йорк таймс».

The Seventh Fleet —

READY TO FIGHT FOR FORMOSA

В США из инспекционной поездки по Дальнему Востоку возвратился один из главных авторов американских проектов развязывания «горячей войны» в Азии — председатель объединенной группы начальников штабов адмирал Артур Рэдфорд. Во время посещения Индо-Китая, Тайваня, Филиппин, Южной Кореи, Японии и других стран полномочный посол Пентагона произвел смотр американским вооруженным силам в этих странах и проверил боевую выучку армий наемников. Результаты своего смотра Рэдфорд, как сообщает иностранная печать, суммировал в докладе, который он представит Эйзенхауэру. Основная «рекомендация» этого атомного маньяка: усилить агрессивные действия США на Дальнем Востоке. Как сообщает агентство АНСА, один из тезисов доклада Рэдфорда гласит: «США должны быть готовы как в военном, так и в моральном отношении к небольшим войнам местного характера на периферии бамбукового занавеса». Иными словами, Вашингтон собирается ввергнуть свободные народы Азии в пучину кровопролитной войны.

Самую продолжительную и тщательную инспекцию Рэдфорд учинил на Тайване, хотя он был по счету 463-м американским офицером, посетившим этот остров в 1954 году. Столь пристальное внимание Вашингтона к Тайваню не случайно. Этот китайский остров, незаконно оккупированный США, предназначается ими на роль главной базы агрессии против Китайской Народной Республики и других стран Азии.

Об этом черным по белому говорится в так называемом «Договоре о взаимной обороне», заключенном в конце прошлого года между Белым Домом и чанкайшистской кликой. Из текста этого договора видно, что США намереваются и впредь вмешиваться во внутренние дела китайского народа и насильственно противодействовать воссоединению Тайваня и Пескадорских островов с Китайской Народной Республикой. Больше того, как сообщила 9 января японская газета «Сангио Кейдзай», США в секретной ноте известили Чан Кай-ши, что американские вооруженные силы окажут гоминдановцам активную поддержку в военных действиях на китайском материке. Тем самым разоблачен еще раз миф об «оборонительном» характере американо-чанкайшистского договора.

Командующий американскими сухопутными, военно-воздушными и военно-морскими силами на Тихом океане адмирал Ф. Стамп заявил корреспонденту журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт»: «В соответствии с приказами, которые я имею в настоящее время, я готов немедленно бросить американские вооруженные силы на защиту (!) Формозы и Пескадорских островов...».

Американо-чанкайшистский договор гарантирует гоминдановскому охвостью активную военную поддержку Соединенных Штатов в агрессии против Китайской Народной Республики. Не следует, однако, думать, что американская авиация, базирующаяся на многочисленных тайваньских аэродромах, и американский военно-морской флот, завладевший всеми портами и гаванями Тайваня, пребывают в бездействии, пока американские инструкторы муштруют гоминдановскую «армию вторжения» (см. снимок справа из американской газеты «Крисчен сайенс монитор»).

Нет. Американские самолеты принимают самое деятельное участие в налетах гоминдановцев на китайское побережье, а американские военные корабли соревнуются с гоминдановскими пиратами в нападениях на иностранные торговые суда, появляющиеся в районе китайских морей. 7-й американский флот то и дело проводит совместно с чанкайшистами провокационные маневры у берегов Китая и занимается разведкой и патрулированием в прибрежных китайских водах. Об этом хвастливо поведал своим читателям американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Под сенсационным заголовком **«Седьмой флот США готов воевать за Формозу»** журнал поместил фото военных кораблей США, курсирующих в Тайваньском проливе, и схематическую карту района действий 7-го флота (см. снимки слева), сопроводив их следующим текстом: «Седьмой флот США, охраняющий Формозу, сейчас более чем готов и настроен сражаться... В треугольнике, образующемся между Формозой, Гонконгом и Филиппинами, морскую зеркальную гладь бороздят авианосцы — костяк американских вооруженных сил в этом районе.

В самом проливе несколько американских авианосцев снуют взад и вперед вдоль побережья континентального Китая и близ прибрежных островов. Боевые патрульные самолеты, базирующиеся на авианосцы, находятся в воздухе с утра до вечера. Все суда находятся в боевой готовности. Это значит, что они могут вступить в бой по первому сигналу».

За месяц, истекший после подписания американо-чанкайшистского договора, Вашингтон значительно усилил свои военные приготовления на Тайване. Создается «Американо-китайский комитет военного планирования», который будет заниматься оперативными вопросами, организацией разведки и связи на Тайване. Белый Дом решил передать чанкайшистской клике 14 кораблей, 12 торпедных катеров и два миноносца.

Агрессивные действия США в районе Тайваня являются не только грубым вызовом китайскому народу, но и представляют серьезную угрозу миру и безопасности в Азии. Вот почему азиатские народы и вся мировая общественность горячо поддерживают справедливую позицию Китайской Народной Республики, заявившей о своем твердом намерении освободить Тайвань.

Поезд истории не остановить!

Жорж ХАННА,
член Всемирного Совета Мира, ливанский общественный деятель

Никогда еще империализм не смотрел на арабские государства такими алчными глазами, какими смотрит ныне. Его можно было бы сравнить с безумно влюбленным, который чувствует, что возлюбленная тяготится им и вот-вот выскользнет из его рук, и потому всеми силами старается вернуть ее в свои объятия...

Прежде империализм не стремился завоевать любовь арабского мира — он осуществлял там свои планы, применяя силу. Но народы пробуждаются. Ныне они уже не склонны мириться с насилием. Своим пробуждением народы обязаны социалистической революции, знамя которой поднял Советский Союз. Священный факел, зажженный Октябрьской революцией, продолжает ярко пылать, озаряя страны, все еще окутанные мраком.

Арабские народы в период между двумя мировыми войнами вели жестокую борьбу с британским и французским империализмом. Не успела закончиться вторая мировая война и дать нашим народам надежду на освобождение от империалистического гнета, как мы в полную меру почувствовали третьего колонизатора, еще более алчного, чем его партнеры. И тогда мы начали борьбу против гнета трех хищников, то есть против империализма США, Англии и Франции.

Хитростью и обманом эти три державы пытаются уверить народы, будто теперешняя политика проводится с целью защиты того, что они называют, извращая факты, «свободным миром». В этот «свободный мир», находящийся под их пятой, они хотят втянуть и арабские государства, чтобы всесторонне их эксплуатировать и заставить наши народы в угоду им принять участие в агрессии, замышляемой против Советского Союза и стран народной демократии.

Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что всевозможные планы этих держав, в изобилии нам предлагаемые, преследуют две цели: первая цель — создание фронта, который дал бы им возможность осуществить агрессию против Советского Союза; вторая цель — борьба с национально-освободительным движением арабских народов. Это движение мешает осуществлению их планов. Это движение лишает их привилегий, которыми они пользуются в арабском мире и благодаря которым эксплуатируют наши нефтяные и другие богатства. Что касается первой цели, то сами же государственные и политические деятели западных держав разоблачают ее своими заявлениями. Они непрестанно говорят о решимости вести войну против Советского Союза под предлогом защиты «свободных принципов» от коммунизма.

Чем иным является, например, недавнее заявление Черчилля о его письме фельдмаршалу Монтгомери в дни капитуляции германской армии, как не одним из доказательств агрессивных намерений западных держав по отношению к Советскому Союзу?

Мне вспоминается беседа с одним из старших офицеров британской армии в 1941 году, в то время, когда английские войска вступили в Ливан. Я познакомился с ним в клубе и сказал ему: «Мы надеемся, что провозглашенная независимость нашей страны действительно осуществится, и победа союзников над фашизмом и нацизмом, которой мы так желаем, принесет нам радостную весть о длительном мире. Это будет победа объединенных демократических сил в лице ваших армий и армий Советского Союза и США. Я надеюсь, что скоро человечество избавится от страшного кошмара фашизма и восторжествует всеобщий мир».

Ответ английского офицера запомнился мне слово в слово. Он сказал: «Что касается победы, то мы уверены в ней. Что же касается мира, о котором вы говорите, то я думаю, что он не так близок, как вам кажется. Когда война закончится разгромом Германии, Италии и Японии, то нам, англичанам и американцам, останется еще разгромить коммунистов. Это мы не можем осуществить без войны против Советского Союза, что мы и сделаем, как я в том уверен».

Услыхав эти слова, я подумал: какой страшный позор падает на союзника, несущего зло своему союзнику, без которого он попал бы под сапог Гитлера, микадо и Муссолини, а большинство стран мира на долгие времена очутилось бы в рабстве и неволе!

После того, как несколько лет назад США, Англия и Франция приняли так называемую тройственную декларацию*, назначив сами себя опекунами над государствами Ближнего и Среднего Востока, на белый свет появился проект создания «средневосточного командования» и «совместной обороны». Декларация и план вызвали волну осуждения и протестов со стороны всех арабских народов. Возмущение народа, выразившееся, в частности, в многолюдных демонстрациях, было столь велико, что ни одно из правительств арабских стран не осмелилось оказать этим планам поддержку.

Когда мистер Даллес после назначения на пост государственного секретаря США посетил арабский Восток, народы встретили его таким шумным протестом, какой он, я думаю, будет помнить всю жизнь. Правительствам пришлось мобилизовать все наличные силы, чтобы уберечь мистера Даллеса от гнева народного.

Самая крупная демонстрация протеста произошла в столице Ливана — Бейруте. Во время столкновения между ее участниками и полицией было ранено тридцать человек. Манифестация проходила под лозунгами: «Даллес, посланник войны, убирайся восвояси!», «Мы не хотим, чтобы наша страна стала второй Кореей!», «Долой англо-американский империализм!» Несмотря на сопротивление полиции, тысячи демонстрантов окружили Дом правительства и заставили премьер-министра (им в то время был Саиб Салам) выйти на балкон и сообщить, что правительство категорически отвергает план «совместной обороны».

Любопытно следующее: возвратившись в США, мистер Даллес, желая «пустить пыль в глаза», заявил, будто арабские страны встретили его... дружелюбно! Впрочем, это и неудивительно для американской пропаганды, построенной на лжи и лицемерии. Однако остается фактом: неудачная поездка дала понять Даллесу, что проект «совместной обороны» обречен на провал. И он начал закулисную подготовку других планов — таких, как двухсторонние союзы между США и отдельными арабскими странами, планы «экономической помощи» по четвертому пункту программы Трумэна.

За годы, во время которых оказывалась «помощь по четвертому пункту», народы арабских стран не извлекли для себя никакой экономической выгоды. Зато они чувствовали, что посланные к ним эксперты в действительности являются шпионами. Народы понимали, что истинное назначение этого плана — убить национальную промышленность арабских стран, открыть ворота для изделий американской индустрии.

Бесспорно, что финансирование проектов «помощи» осуществляет не Америка, а сам арабский народ. В одном журнале, издаваемом госдепартаментом США, я читал: «Финансовые средства, которые идут на осуществление проектов четвертого пункта, поступают не из кармана американского налогоплательщика и не от правительства Соединенных Штатов. Их предоставляют страны, в которых осуществляются эти проекты, или из правительственной казны, или из местных финансов, или из займов, которые получает страна от международного банка или американского экспортно-импортного банка» (конечно, за соответствующий процент!).

Я ограничусь этим американским официальным признанием, чтобы не очень докучать читателю. Ясно, что ради своих собственных интересов, и только ради них, США проявляют такой энтузиазм к планам «помощи» и заставляют правительства арабских стран подавлять народное сопротивление этим планам. США забрасывают своих экспертов-шпионов в различные районы страны для того, чтобы они собирали там сведения и вмешивались в местные дела. Они подкупают лидеров, субсидируют религиозных деятелей и посылают проповедников даже в храмы для пропаганды тех мифических благ, которые якобы сулит «четвертый пункт».

Можно ли удивляться, что арабские народы ведут борьбу против этого империалистического плана, а также арабских правителей, которые защищают этот план?

Сопротивление американскому плану оказывают не только простые люди, но и видные политические деятели. На заседании ливанского парламента в декабре 1953 года против «четвертого пункта» высказалось большинство депутатов, в том числе Сами Сольх, который был премьер-министром в дни, когда заключалось соглашение между американским и ливанским правительствами о «помощи» по «четвертому пункту». Он выразил сожаление по поводу подписания этого договора, оказавшегося эксплуататорским и империалистическим.

Правящие круги США начали понимать, что планы «помощи» не смогут с пользой служить их агрессивным целям. Тогда нам преподнесли турецко-пакистанский пакт. По мысли его вдохновителей, это как бы пролог союза, в который вместе с двумя названными странами будут вовлечены и арабские государства. США начали соблазнять Ирак военной помощью и добились того, что эта идея была благосклонно встречена иракским правительством. Не удивительно, что согласие исходило от правительства, которое возглавляли Фадыль Джемали, а затем Нури Саид, правительства диктаторского, отличающегося подавлением освободительного движения. Западные державы очень хотят, чтобы Ирак присоединился к турецко-пакистанскому пакту. Арабские народы выступают против этого, предупреждая об опасности, которую таит в себе военный пакт.

Я оптимистически смотрю на будущее, но именно потому не хочу слишком успокаивать себя и других. Империалистическая опасность продолжает угрожать арабскому Востоку как со стороны западных держав, так и со стороны реакционных и диктаторских правительств, которых еще много в нашем мире. И все же, положа руку на сердце, я могу сказать, что бдительность народов стала приносить свои плоды. Заря, несомненно, взойдет. Поезд истории не остановить, ибо народы полны решимости питать его горючим, чтобы он продолжал движение вперед. Этим горючим является непрекращающаяся священная борьба народов за мир и национальную независимость.

* Речь идет о принятой в 1950 году декларации этих трех держав по поводу вооружения ближневосточных государств.

Как г-н Мендес-Франс добывал голоса

Этот снимок сделан в Национальном собрании Франции во время дебатов о ратификации парижских соглашений. Г-н Мендес-Франс перешептывается с председателем Национального собрания Франции Ла Тронером — одним из своих единомышленников. Они явно обсуждают, к какому трюку еще прибегнуть, чтобы наскрести голоса в пользу возрождения вермахта.

Снимок из английской газеты «Дейли телеграф энд морнинг пост»

«Вы — сверхчеловек», — таким необычным комплиментом авансировал Даллес французского премьер-министра Мендес-Франса вскоре после его прибытия в Вашингтон.

В ответ на эту похвалу Мендес-Франс торжественно пообещал, что он будет считать «вопросом чести для французского правительства» добиться возможно более быстрой ратификации парижских договоров.

Вот почему, натолкнувшись на серьезные трудности в парламенте, Мендес-Франс и приложил действительно «сверхчеловеческие» усилия для выполнения данного обещания. 27 декабря, то есть всего лишь на третий день после того, как первая статья проекта закона, предусматривающая восстановление вермахта, была отвергнута Национальным собранием Франции, газета «Нью-Йорк геральд трибюн» с полным знанием дела и хозяйской самоуверенностью писала в сообщении, многозначительно озаглавленном **«Обработка депутатов»**:

«Сейчас происходит обработка депутатов одного за другим с тем, чтобы приобрести 21 или больше недостающих голосов и изменить отрицательное решение, вынесенное в прошлую пятницу (имеется в виду голосование 24 декабря. — **Ред.**). Стремясь изменить соотношение голосов в Национальном собрании, сторонники правительства извлекли на свет политические досье на каждого колеблющегося депутата с перечислением всего, что этому депутату по душе и что ему не нравится».

Уже от этих весьма красноречивых в своей развязной откровенности строк американской газеты повеяло избирательными правами «дикого Запада» или эпопеей какого-нибудь штата Миссури, где процесс «обработки депутатов», а заодно и избирателей, как это явствует хотя бы из нашумевшей американской книги «Миссурийский вальс», поставлен на необычайную высоту.

Действительность парижских парламентских будней, однако, не только подтвердила, но и некоторым образом даже превзошла сообщение «Нью-Йорк геральд трибюн». Новоиспеченные французские «лоббисты», а также всевозможные агенты правящих кругов превратили коридоры Бурбонского дворца в своего рода биржу по лихорадочной скупке голосов и прямому подкупу депутатов.

Небезызвестный реакционный депутат Лиотэ, озадаченный этими гангстерскими приемами, в недоумении признавался: «Я просил о награждении семи моих друзей орденом Почетного легиона. К моему удивлению, они все были удостоены этой награды еще до открытия парламентских дебатов. Поскольку это, однако, не дало желаемых результатов, ко мне был прислан налоговый инспектор, который с пристрастием начал заниматься изучением моих доходов и размером уплаченного мною налога».

Когда депутат Леон Ноэль намеревался внести поправку, которая не устраивала правящие круги, ему немедленно был предложен крупный дипломатический пост за границей. Когда выяснилось, что депутаты Палевский и Сустелль высказываются против ратификации договора, им срочно обещали министерские портфели после реорганизации кабинета.

Многие члены парламента, принадлежащие к буржуазным партиям, жаловались на то, что им угрожали разглашением содержания полицейских протоколов, в которых так или иначе затрагивалась их личная жизнь.

Не покладая рук трудились и социалистические подручные правящих кругов Франции. Так, председатель одной из парламентских комиссий Даниель Мейер, как сообщила газета «Теглихе рундшау», отважился даже голосовать за восстановление вермахта от имени отсутствовавших на заседании депутатов, хотя они этого ему вовсе и не поручали.

Что касается генерального секретаря социалистической партии Ги Молле, то он в своих речах и действиях, как говорится, превзошел самого себя, за что и удостоился единодушной похвалы всей реакционной прессы, связанной с крупным капиталом, — от «Фигаро» и до «Орор».

Итак, решение, которое было встречено с удовлетворением за океаном, оказалось добыто, как мы видим, вполне усовершенствованными, на заокеанский же манер методами давления, угроз, подкупа и вымогательства. И хотя в кулуарах не раздавались выстрелы, но недостатка в угрожающих залпах красноречия отнюдь не было.

В заключение следует напомнить, что весь этот небывалый разгул шантажа позволил, как известно, г-ну Мендес-Франсу добиться лишь ничтожного большинства и, следовательно, одержать лишь «пиррову победу». Но сам Пирр утверждал: «Еще одна такая победа, и я останусь без войска».

Б. РОЗАНОВ

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМИРНОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И — 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-84-28, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И — 51, Цветной бульвар, 30.

Б01205.